

АНТИМАЙДАН
БРАТ НА БРАТА

УКРАИНА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Андрей Ваджра

Мифология украинской идеологии

Антимайдан. Брат на брата

Андрей Ваджра

**Украина, которой не было.
Мифология украинской идеологии**

«Яуза»

2015

Ваджра А.

Украина, которой не было. Мифология украинской идеологии /
А. Ваджра — «Яуза», 2015 — (Антимайдан. Брат на брата)

ISBN 978-5-9955-0771-0

Украинство всегда существовало в некрофильском предчувствии собственной гибели. «Ще не вмерла Украина» – вряд ли найдется более депрессивный и «заупокойный» гимн, чем бандеровский. Что это за государство, которое гордится не достижениями и процветанием, а тем, что пока еще не сдохло?! И разве может быть у такой страны достойное будущее? Эта книга доказывает – у нынешней русофобской Украины нет не только будущего, но и прошлого. Эта «Украина» – мираж, фикция, «симулякр», советский мертворожденный проект. Если бы не национальная политика большевиков – ни «Украины», ни «украинцев» просто не было бы. Если бы не советская насильственная «украинизация», порожденное польской пропагандой и австрийским террором «украинство» так и осталось бы маргинальной сепаратистской сектой. Но без возможности паразитировать на России бандеровское государство-вампир обречено на гибель. И теперь оно бьется в агонии, круша и отравляя все вокруг ядом русофобии. Поэтому главная задача данной книги – показать действительную сущность украинской пропаганды, густо замешенной на лжи и ненависти.

ISBN 978-5-9955-0771-0

© Ваджра А., 2015

© Яуза, 2015

Содержание

Предисловие	6
Беседа первая. Что такое «украинская нация»	10
Беседа вторая. Что такое «украинский язык»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Ваджра
Украина, которой не было.
Мифология украинской идеологии

© Ваджра А., 2015

© ООО «Яуза-пресс», 2015

Предисловие

В моем паспорте гражданина СССР в графе «национальность» стояло лаконичное – «украинец». Аналогичным образом данная графа была заполнена и в главном документе моих родителей, а также дедушек и бабушек. Во времена советской власти мы все официально числились «украинцами». И это касалось не только моей семьи, но и миллионов людей, родившихся в Стране Советов.

Имело ли тогда для меня какое-то значение, каким образом заполнена «пятая графа» в моих документах? Скажу честно – ни малейшего. И не только для меня. Именно поэтому любой советский гражданин мог по собственному усмотрению решить, кто он по национальности. Чукча (при желании) мог стать русским, а еврей – белорусом. Данная формальность ровным счетом ни на что не влияла и по большому счету ничего не значила.

Даже «нечеловеческие страдания» советских евреев (редко тогда называвших себя евреями), воспетые в многочисленных мемуарах и воспоминаниях мигрантов, скорее были фактором особой преференции в виде возможности выезда на ПМЖ за кордон, чем реальной дискриминацией. Во всяком случае, в среде окружавших меня в те годы евреев «нечеловеческих страданий» мне рассмотреть не удавалось. Присутствовал у них лишь легкий налет некой стыдливости в отношении своей идентичности. Как у заик, которые стесняются своего заикания. И то не у всех. И вспоминали они о том, что они евреи, лишь при желании покинуть СССР. А так превосходно себя чувствовали и в качестве «русских».

Для русских же, украинцев и белорусов «национальный вопрос» вообще не существовал. Все они были новой общностью – советскими гражданами («строителями коммунизма»). А перед коммунизмом, как и перед Богом, все равны. И если «строитель коммунизма» обязан был обладать неким набором культурных, профессиональных и моральных качеств, то национальная графа ничего от человека не требовала. Лично мне ничего не стоило то, что я был «украинцем». Для этого мне не надо было носить вышиванку, плясать гопак, разговаривать по-украински или, как сейчас, кричать по любому поводу «Слава Украине!». Моя «пятая графа» тем более не требовала от меня нравственного, культурного, физического и интеллектуального напряжения. Моя национальная принадлежность даже не была национальной идентичностью. Она была лишь пометкой в паспорте. А поэтому я мог быть кем угодно, а не только «украинцем», выбрав свою личную «национальность» из списка, где присутствовало более ста двадцати различных вариантов.

Мое равнодушное отношение к собственной «национальной принадлежности» было легко объяснимо. Как личность я формировался на лучших образцах мировой (а значит, мультиэтнической) культуры, а окружающих меня людей классифицировал не по национальности, а по их нравственным и интеллектуальным качествам. Если человек был откровенным подонком или идиотом, идентифицировать его как «своего» я не мог, даже если бы он был сто раз «украинцем». Реальные человеческие качества были для меня более значимыми, чем «пятая графа». Любая «сука» и любой «даун» автоматически оказывались по ту сторону моей идентичности, несмотря на совпадение пометок «национальность» в наших документах. И эта психологическая особенность осталась со мной на всю жизнь.

Именно поэтому, когда в 90-х годах прогрессивно мыслящую молодежь «нэзалэжной» Украины охватила мода на украинский национализм, я продолжал оставаться абсолютно равнодушным как к своей пометке в паспорте, так и к «великим идеям», внезапно возвеличившим ее до сакральных вершин. Я оставался абсолютно холоден к главным признакам украинскости: вышиванкам, «ридной мове», Тарасу Шевченко, Стефану Бандере, «героям УПА», украинской государственности и прочим очень важным для украинской идентичности атрибутам.

Я не находил оснований гордиться своей «пятой графой». Для меня она оставалась лишь пометкой в паспорте. С таким же успехом я мог гордиться своим полом, местом рождения или любыми другими паспортными данными. Во всем этом я видел лишь факты, но никак не ценности.

Усугубляло данную ситуацию с моим равнодушием к «святыни» и то, что, не сомневаясь в своем украинском происхождении, тем не менее я впадал в экзистенциальную тоску от всего украинского. Каким-то странным образом я видел во всей постсоветской украинскости некую разновидность погибшей в 1991 году советскости, которая характеризовалась для меня таким емким сартровским понятием, как «тошнота».

Украинское радио, телевидение, литература, песни, «умные мысли о главном» и прочее самым коварным образом навевали на меня дикое уныние. От всего этого несло газетой «Правда», докладами ЦК КПСС и пионерско-комсомольскими собраниями, над которыми я с задней парты жестоко издевался при помощи насмешливых комментариев, вынуждая рядом сидящих одноклассников давиться в конвульсиях смеха. И лишь классный руководитель орлиным взглядом меня испепеляла за мои «идеологические диверсии». Но в те годы по стране триумфально шествовала перестройка, и подобные циничные шалости КГБ уже не интересовали.

А потом рухнул Союз. От 90-х в памяти осталась грязная полка плацкарта, на которой я по дороге на учебу в Киев был вынужден слушать из вагонного динамика прямую трансляцию «руховского» митинга возле Верховной рады, на котором под ликующие вопли толпы выступал Вячеслав Черновол.

Тогда я еще не знал, что это было начало эпохи «пятой графы». Теперь уже не только упадочной, но и кровавой.

К новым веяниям я оказался абсолютно равнодушен. В моих глазах идею всепобеждающей силы национальной принадлежности дискредитировала не только ее тупиковость и бесплодность, но и интеллектуально-нравственные качества ее носителей. Каким-то удивительным образом сознательными («свидомыми») украинцами-активистами почему-то становились либо откровенные подонки, либо законченные идиоты. Причем, как правило, сельского происхождения. В стране произошла резкая смена идей и лозунгов, но их носителями оставались люди советского психотипа, из которых когда-то состоял партхозактив УССР. «Горячая вера» в дело Ленина плавно переросла в «горячую веру» в дело Бандеры. Одни идеологические штампы заменили иными, но при этом сволочи и кретины остались на руководящих постах. Их молодую поросль я имел возможность наблюдать в студенческие годы в университете. Возникало ощущение дежавю. Мне казалось, что советский режим не умер, а просто вывернулся на свою «жовто-блакитную» изнанку.

Все это настораживало и изрядно напрягало. Вера в светлый путь национализма у меня умерла, так и не родившись, в первый день украинской «нэзалэжности», потому что я видел, как умирал советский режим с его верой в светлый путь коммунизма. Эти пути пролегают в одной тоталитарной колее. В украинстве я видел лишь пародию на советскость.

Гораздо позже я понял, что одинаковое восприятие мной националистического и коммунистического обществ возникало вследствие их одинаковой фальшивости. В независимой Украине, как и в Советском Союзе, говорили и говорят одно, делали и делают другое, а думали и думают третье.

Каким-то непонятным образом я чувствовал, что украинскость это лишь симуляция. Причем симуляция того, чего на самом деле не существует, – симуляция самой себя. Но любая симуляция неинтересна, если человек чувствует или знает, что перед ним именно она. В юности я не был знаком с работами Бодрийяра и не *знал*, что такое «симулякр», но насколько могу судить сейчас, тогда я *ощущал* фальшь украинского симулякра.

Эти ощущения были чем-то похожи на переживания главного героя известной кинематографической трилогии «Матрица», который жил с ощущением того, что «с этим миром что-

то не так», с ощущением необъяснимым и ускользающим. Точно так же и я прожил не один год с аналогичным ощущением.

А потом начался период интуитивного поиска. «Красную пилюлю» мне никто не предлагал (да ее и не было), поэтому я сам «на ощупь» принялся разбираться, что именно с этим миром не так. Моим надежным подспорьем была природная любознательность, а толчком – «оранжевая революция». В силу своих профессиональных навыков в конце 2004 года я пришел к выводу о том, что Украина обречена из-за целого ряда субъективных и объективных причин. Но на тот момент у меня не было понимания причин, по которым успешная реализация проекта «Украина» была невозможна.

Чтобы восполнить данный пробел, мне пришлось разобрать официальную версию того, что такое Украина, на составные части, а затем изучить каждый этот компонент с помощью разнообразных источников информации. Прежде всего меня интересовали объективные факты. И чем больше я их находил, тем четче проступали контуры причин, ведущих Украину к неминуемой катастрофе. Это было похоже на заглядывание под маску. Постепенно я начинал видеть тщательно скрываемый лик Украины.

Вот тогда-то мои интуитивные ощущения трансформировались в рациональное мировоззрение. Для меня это тогда стало чем-то вроде индивидуальной экзистенциальной катастрофы, заставившей жить на руинах когда-то навязанных моему сознанию мифов, фантомов и иллюзий.

Что во всем этом было наиболее болезненным для меня? Наиболее болезненным стало понимание того, что я не являюсь тем, кем меня принуждает быть эпоха «пятой графы». Чтобы быть украинцем, мне надо было игнорировать факты. Точнее, моя уже вполне привычная украинскость потребовала от меня наплевать на правду и здравый смысл. Это была главная жертва, которую я вдруг должен был принести на алтарь своей национальной идентичности. И тут уже было важно не то, кем я себя считаю или называю, а то, кто я такой по своей сути. Быть украинцем не трудно. Надел вышиванку, заговорил на «мове», вступил в «Свободу», заорал «Слава героям!», и готово. Трудно себя ломать для того, чтобы быть как все, зная правду. Ведь в этом случае ты станешь не только «украинцем», но и конченым мудаком, готовым предать прежде всего самого себя.

Это специфика нашей души. Сделать подлость легко. Тяжело потом жить с этой подлостью. Ведь ты все время будешь искать себе оправдания, совершая новые подлости. И что после этого от тебя останется? Что после этого будет с твоей душой (как бы сказал один мой знакомый православный батюшка)?

Выбирая между возможностью быть украинцем и возможностью быть свободным человеком, я выбрал свободу. Но, покинув «Матрицу» украинства, я автоматически стал в нашем обществе изгоем и «недочеловеком». Жить на Украине и находиться вне «Матрицы» украинства уже само по себе преступление. Однако вышиванку я так себе и не купил.

Со своим добровольным остракизмом приходилось мириться, но чем сильнее крепла постсоветская система украинства, тем тотальней она становилась, проникая не только во все поры государственной и общественной жизни, но и в пространство личной свободы. Пометка в паспорте, не имевшая для меня никакого значения, вдруг стала превращаться в некую сверхценность, строго взирающую на тебя с бомбардировочных высот категорического императива вечно возбужденной толпы «свидомых» украинцев.

Вдруг неожиданно выяснилось, что я (как и в советские времена) – ДОЛЖЕН. Должен говорить и думать по-украински, должен любить все украинское, должен гордиться всем украинским, должен быть сознательным украинцем, должен наслаждаться творчеством Тараса Шевченко, должен бредить идеями Стефана Бандеры, должен ненавидеть Россию и все русское, должен любить то, что не люблю, и быть тем, чем не являюсь. Иначе говоря, находясь

в симулякре, я должен был симулировать свою «украинскость», как это делали большинство окружающих меня русских по своей сути людей.

С каждым новым годом «нэзалэжности» сохранение своего личного пространства и своей индивидуальности превращалось в непростую задачу. Так я с удивлением обнаружил, что разнообразных «должен» в «свободной», «независимой» и «демократической» Украине появилось гораздо больше, чем до этого их было в Советском Союзе. А главное, от этих «должен» невозможно было нигде укрыться.

Пометка «украинец» в моих документах стала важнее меня самого. Внезапно я оказался приложением к «пятой графе», несмотря на то что из паспорта она исчезла. Это вызывало раздражение. А раздражение, в свою очередь, порождало желание установить на подоконнике пулемет. На тот момент у меня уже не было ни малейшего сомнения, что рано или поздно пулеметы в окнах жилых домов появятся. Все шло именно к этому.

Однако я решил идти другим путем. Как давно известно, хорошо сказанное слово – страшнее пулемета. Тогда я рассуждал, что если меня, мою личную свободу спасла правда, то она может спасти и других. Убить человека, превращенного в агрессивного зомби, не сложно. Но это то же самое, что рубить головы Гидре, у которой вместо одной отрубленной вырастают десять новых. Поэтому, как я тогда рассуждал, бить надо не по людям, а по «Матрице». Только разрушение «Матрицы» может сделать их свободными. Человеческая свобода в душах людей. Помогите душе человека стать свободной, и он сам разрушит любой концлагерь. В том числе и тот, которым стала нынешняя Украина.

Именно поэтому в марте 2007 года на страницах одного из российских сетевых изданий появился текст первой моей беседы с его главным редактором, посвященной украинской тематике. Всего вышло шесть бесед. Заключительная была опубликована в июле 2008 года.

С учетом того, что мои рассуждения и выводы не просто полностью противоречили привычным стереотипам об Украине и украинцах, а ломали их до основания, я сознательно снабдил весь используемый мною в беседах фактаж источниками, из которых я его взял. Это позволяло каждому читателю самостоятельно проверить любой приводимый мной факт, а мне – отсылать всех заядлых спорщиков к тому, с чем спорить может только идиот.

Судя по всему, мои факты, аргументы и логика были достаточно убедительными, так как по Сети тексты бесед распространялись со скоростью степного пожара, вызывая в душах одних людей благодарность, а в душах других – ненависть. Многие комментаторы не иначе как «скандальными» их не называли. Однако, несмотря на разразившуюся вокруг них бурю эмоций, опровергнуть приводимые мной факты и вытекающие из них выводы никто из «правильных украинцев» так и не смог. Украинские интеллектуалы предпочитали беседы игнорировать. Замалчивание – наиболее оптимальная реакция в Украине на неуместную правду.

Впрочем, сдается мне, что мои труды были не напрасными.

*Андрей Ваджра
Киев. Октябрь 2014*

Беседа первая. Что такое «украинская нация»

Первые ваши статьи появились в Интернете в августе 2005 года. Причем на начальном этапе вашего творчества почти все они были написаны в рамках цикла «РАСПАД». В связи с этим первый вопрос напрашивается сам собой: откуда взялось такое странное название? Где в первой половине 2005 года, когда у украинских граждан после победы «оранжевой революции» был пик эйфории, массового энтузиазма и надежд на лучшее, вы увидели процессы распада Украины?

Вы знаете, все гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Я не хотел бы ситуацию в Украине сводить к примитивным схемам политической пропаганды, выдаваемой за глубокий политологический анализ. Даже «оранжевая революция» это не причина, а следствие распада. Она его закономерный этап. Процесс распада Украины начался не во время «оранжевой революции» и даже не во времена Кучмы. Маховик разрушения Украины был запущен 24 августа 1991 года.

Прошу прощения, я так понимаю, вы имеете в виду события августовского путча ГКЧП 91-го?

Вы почти угадали. Почти... Я имею в виду день провозглашения независимости Украины.

Вы хотите сказать, что распад Украины начался в момент провозглашения ее независимости?

Да.

Несколько неожиданное утверждение... И чем же это было вызвано? Почему Украина обречена на распад?

Все достаточно просто. Дело в том, что «Украина» – это сугубо советский проект. Если бы не железная воля большевистской партии, если бы не ее так называемая национальная политика, ни «Украины», ни «украинцев» просто не было бы.

А что было бы?

Если бы не был нарушен естественный ход развития России, вместо нынешней Украины были бы малороссийские губернии России и малороссийская ветвь русского народа. Проще говоря – юго-западный край России.

За такие слова вас классифицируют как великодержавного русского шовиниста не только на Украине, но и у нас, в России.

Безусловно. Сейчас любое отклонение от официальной, казенной версии украинской истории, которая методично навязывалась народу последние 16 лет, будет квалифицироваться как происки врагов и идеологическая диверсия. Но кроме политической мифологии существуют еще исторические факты. Они могут кому-то нравиться, а кому-то не нравиться, но от этого они не перестают быть фактами.

Но главное в этом даже не то, что столько лет народ просто обманывают, а то, что мифология не способна заменить действительную реальность. При этом я хочу подчеркнуть, что политическая мифология не является злом сама по себе. Она заложена в фундамент любого государства. Но она начинает играть абсолютно деструктивную роль, когда ее главные постулаты полностью противоречат действительной реальности. В этом случае казенная ложь чиновников и политических фанатиков с карцерным сознанием сектантов способна какое-то время

ее камуфлировать, но затем наступит момент, когда реальность просто разорвет навязанную обществу мифологию. Сейчас это как раз и происходит в Украине. Жесткая оболочка официальной украинской пропаганды лопнула и начала стремительно расходиться по швам.

И что можно увидеть в образовавшихся прорехах?

Многие увидели Украину «украинскую» и Украину «русскую». Но это от элементарного невежества. Тот, кто хоть немного интересовался историей, а не повторял как попка пропагандистские бредни, четко видит не две Украины, а Малороссию и Галицию под общим камуфляжем названия «Ukraine». Причем названия, написанного не кириллицей, а латиницей.

Здесь, без всякого сомнения, я буду обвинен сознательными («свидомыми») украинцами в стремлении расколоть «нэньку». Их нежелание видеть реальность можно понять, но деться от реальности ведь все равно некуда. «Украина» – квазигосударство, созданное большевиками из юго-западных губерний России, а также австро-венгерских провинций Галиции и Буковины на основе польско-австрийско-германской идеологии особого «украинского» народа и отдельного государства «Украина». И сейчас мы можем непосредственно лицезреть эти искусственно сшитые куски под видом разных украин, столкнувшихся в политическом противостоянии.

Когда я говорю, что распад Украины начался в момент провозглашения ее независимости от СССР (а точнее – России), я имею в виду, что созданная большевиками в рамках советского проекта Украина как самостоятельное государство существовать не может. Для этого необходим новый проект, а он как раз и не возник. Создавать его было некому. Современная Украина – это продолжение советского проекта вне СССР. Она – не более чем осколок Российской империи, мятежная провинция, погрязшая в распрях новоявленной, тупой и алчной «шляхты» от сохи. Все годы «нэзалэжности» Украина существовала за счет безумного и бездумного потребления тех материальных ресурсов, которые ей достались от Советского Союза, и не полностью разорванных союзных связей с РФ.

Да, большевики собрали Украину из разных кусков, но на этих территориях проживают этнические украинцы. Это ведь тоже факт. Много веков украинцы были разделены границами, но от этого они ведь не переставали быть украинцами.

Боюсь, что вас неправильно информировали на сей счет. В связи с этим хочу задать вам вопрос: когда появились первые украинцы?

Я не готов так с ходу дать ответ, но думаю, что меня ожидает какой-то подвох.

Ваше предчувствие вас не обмануло. Сейчас я начну говорить вещи, которые покажутся крамольными не только «свидомым» украинцам, но и вам. Вас это не пугает?

Нет. Скорее интригует.

Как утверждает официальная политическая мифология Украины, украинцы как этническая группа возникли чуть ли не в IX веке! Но вот незадача, ни в одном из исторических документов не упоминается такой народ как «украинцы». Там фигурируют только русские, русы, русичи, русины и т. п. синонимы слова «русские» (на основании которых, кстати, разные львовские «свидомы дослідныкы», продолжая развивать старые польские теории, «доказывают», что русские это не русины, а русины – это украинцы).

Вот, к примеру, как звучит фрагмент «лямента» (плача) Львовского ставропигиального братства, датированный 1609 годом: *«Утяжелени естесмо мы, народ Русский, от народа Польского ярмом... чим бы толко человек жив быти мogle, того неволен русин на прирощеной земли своей Русской уживати, в том-то русском Лвове»*. Значительно ранее, в 1075 году, грамота папы Григория VII называет Изяслава (сына Ярослава I) «Rex Ruscorum». В XIII веке Plano Carpini пишет о «Kiovia quae est Metropolis Russiae». Грамотой от 1246 года папа Инно-

кентий IV принимает Даниила Галицкого, Regem Russie, под свое покровительство. Перечислять документальные примеры ОТСУТСТВИЯ В ГЛУБИНЕ ВЕКОВ ТАКОГО НАРОДА, КАК «УКРАИНЦЫ», можно бесконечно долго.

Упоминания об «украинцах», «украинках», «украинском» вы не найдете даже у апостола «свидомых» украинцев – Тараса Шевченко. И это понятно, в отличие от «свидомых», он просто не знал о существовании такого народа. В его текстах фигурирует лишь «УкрАйна» (с ударением на первую букву «а») – географическое название местности, где он родился. Причем использует он «УкрАйну» наряду с такими же географическими названиями, как «Волынь», «Галичина» или «Полесье».

Понимая, что с данным фактом спорить сложно, официальная пропаганда требует, чтобы все считали, что русские Киевской Руси на самом деле были не русскими, а украинцами. Но украинцами они якобы стали называть себя позже, чтобы как-то отличаться от русских, живущих в России, которые на самом деле не русские, а помесь татар с угро-финнами. И вообще современные «монголоиды-русские», с точки зрения «свидомой» украинской интеллигенции, очень подлые и коварные существа, ведь они у украинцев украли их исконное, древнее имя – «русские».

Точно так же В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ ВЫ НЕ НАЙДЕТЕ И ГОСУДАРСТВА С НАЗВАНИЕМ «УКРАИНА». В летописях упоминаются лишь «укрАйны» (с ударением на «а») Русской земли в смысле географического понятия со значением «пограничная земля». Для Киевского княжества ими были территории, граничащие с половцами, для Галицко-Волынского – с ляхами (которые упоминаются в летописях в 1187-м и 1213-м). Точно такие же «укрАйны» были и у Московской Руси, те земли, которые лежали у границы донской и ниже-волжской степи, занятой татарскими кочевьями. Граница эта постепенно, путем военного противостояния, отодвигалась на юг, соответственно менялись и «укрАйны».

В Новгородской летописи от 1517 года читаем: «*По королеву совету Жигимонтову приходиша крымские татарове на Великого князя украйну около города Тулы*». В 1580 году государь отдает распоряжение о том, «*как быть воеводам и людям на берегу [т. е. вдоль Оки. – А.В.] по украинским городам от крымские украйны и от литовския*»¹. В 1625 году из Валук [на юге от Воронежа. – А.В.] писали, что ожидают «*приходу татар на наши украйны*»².

В Речи Посполитой понятие «украина» в значении «пограничье» использовалось для обозначения территории Киевского, Брацлавского и Подольского воеводств, соседствовавших с Диким полем.

Россыпь квазигосударств-«украин» появилась только в начале XX века. Из них лишь советская Украина по милости Ленина и Сталина продолжила свое странное существование.

Но на Украине, я так понимаю, верят в то, что украинское государство существует с самых древних времен?

Да.

И без всяких доказательств?

Религиозным людям не нужны доказательства. Они просто ВЕРЯТ в то, что им говорят их «свидомы» вожди.

Хорошо, допустим, вы правы. В таком случае когда появились «украинцы»? Ведь сейчас они существуют.

¹ Древняя российская вивлиофика, XIV, 368.

² Книги разрядные. I, 1063, 1106, 1133; Воронежские акты. 1851. I, 120.

На самом деле первые украинцы появились в конце XIX века в австрийской Галиции. Туда, после разгрома польского восстания 1863 года, из юго-западных губерний России бежало большое количество польской интеллигенции. Очередное поражение вызвало у нее такой накал ненависти ко всему русскому, что мелкие маргинальные группы т. н. украинофилов под ее воздействием психологически мутировали из литературно-политического сепаратистского движения в «украинскую этническую группу», подчеркнув тем самым свою главную политическую цель. Иначе говоря, радикально настроенные галицийские «национал-демократы» («Молодая Украина») вдруг по политическим соображениям ОТКАЗАЛИСЬ ОТ СВОЕГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИМЕНИ «русин» и провозгласили себя «украинцами». После этого в Галиции началась «розбудова України» путем промывки мозгов населению Прикарпатья.

Наблюдая происходящее, галицийский публицист Мончаловский в 1898 году во Львове издал книгу под названием «Литературное и политическое украинофильство», в которой прямо заявил о том, что *«под влиянием враждебной русскому народу, но хитрой политики его противников первоначально чистое, литературное украинофильство... выродилось в национально-политическое сектантство, которое при благоприятствующих для него обстоятельствах могло бы принести много вреда русскому народу. Зло нынешнего украинофильства в том, что оно, под покровом «народничества», впрочем карикатурно извращенного, каплей по капле отравляет несведущих ложью...»*³.

В те годы поляки мыслили масштабно. Им была нужна не просто нерусская, а точнее антирусская, Галиция, а плацдарм для атаки против России. Переделанные в украинцев, русские Червонной Руси должны были нести разлагающий яд сепаратистской пропаганды в глубь России и с течением времени сепарировать от нее Малороссию под видом «Украины».

В 1892 году газета львовской польской шляхты «Przegląd» (№ 168) заявила на своих страницах следующее: *«Если в чувствах малорусского народа существует сильная ненависть к России, то возникает надежда, что в будущем, при дальнейшем развитии этих чувств, будет возможно выиграть против России малорусский козырь... Такой эволюции нам, полякам, нечего бояться, напротив, мы бы допустили ошибку, если бы хотели запереть ей дорогу и добровольно отказаться от союзника в борьбе с Россией»*.

А спустя год, в 1893-м, уже не малороссы и даже не русины, а вышеупомянутые «молодые украинцы» Галиции выступили с политической программой действий (опубликованной в 1893 году львовской «Правдой»), в которой постулировалось: *«Наука и жизнь украинского народа доказывает нам, что Украина была, есть и будет всегда отдельной нацией и как каждой нации, так и ей необходима национальная свобода для своего труда и прогресса»*. Далее авторы развивали свою мысль следующим образом: *«Много людей начинали украинофильское движение, да не многие задержались на высоте идеи. Много зависело от тех тяжелых обстоятельств, среди которых пришлось развиваться нашему национальному движению. Хотя украинский народ и имел в себе такие основания, что сразу мог поставить на совершенно верную нормальную почву идею культурно-национального возрождения Украины, но у начинающих не было такой силы, чтобы преодолеть обстоятельства, чтобы сразу стать украинской интеллигенцией, чтобы сейчас же создать и литературу, и науку, и все другие приобретения культурной жизни, чтобы фактами и своим существом доказать существование украинцев как отдельной, самостоятельной нации»*.

В конце тех же 90-х небольшая кучка «свидомых» энтузиастов во главе с профессором Грушевским в рамках работы львовского «научного Общества им. Т. Шевченко» за несколько лет напряженных усилий создала прототип нынешнего литературного украинского языка, а также нечто, что ими было объявлено украинской «наукой» и «литературой». Тем самым, по их мнению, блестяще доказав существование «отдельной самостоятельной нации украинцев».

³ Мончаловский О. А. Литературное и политическое украинофильство. Львов, 1898. С. 25.

Вы заявляете о том, что украинский язык, литература и наука имеют искусственный, имитационный характер, подчиненный политическим целям? Звучит очень жестко и радикально.

В духе российского великодержавного шовинизма? В таком случае российскими великодержавными шовинистами были представители русской (русинской) галицийской интеллигенции, которые весьма подробно описали процесс рождения «этнических украинцев», кто их родил и для чего. Читайте первоисточники, изданные во Львове в конце XIX – начале XX века.

И кто же их родил?

Международная политическая ситуация тех лет в Европе в целом и польско-австрийско-германские стратегические интересы в частности.

Звучит крайне сомнительно. Для борьбы с русскими можно создать партию, движение, штурмовые отряды, но как можно заставить несколько миллионов человек отказаться от своей национальной идентичности?

Очень просто: путем геноцида, этнических чисток, интенсивной «промывки мозгов». Для истории это не ново. Вот скажите мне, пожалуйста, где в Европе были созданы первые концентрационные лагеря смерти?

Насколько я знаю, в нацистской Германии.

Вы ошибаетесь. Первые европейские концентрационные лагеря смерти были созданы в Австро-Венгрии во время Первой мировой войны **ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГАЛИЦИИ И БУКОВИНЫ**. Туда австрийцы отправляли тех русских, которых не убивали на месте. Причем отправляли на основе доносов прежде всего новоиспеченных «свидомых украинцев». Именно последние были главной движущей силой массового террора австрийцев. **В ТО ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА МОГЛИ ПОВЕСИТЬ НА БЛИЖАЙШЕМ ДЕРЕВЕ, ЗАБИТЬ ДО СМЕРТИ ИЛИ РАССТРЕЛЯТЬ ЛИШЬ ТОЛЬКО ЗА ТО, ЧТО ОН РУССКИЙ!**

Тогда было уничтожено около 200 тысяч человек мирного населения! Им инкриминировали шпионаж в пользу России. Представляете! 200 тысяч шпионов и вредителей! Около 400 тысяч галичан потом бежали с отступающей русской армией в Россию. Это была страшная трагедия, о которой ничего не написано ни в одном украинском учебнике истории. А ведь убивали не только мужчин, но женщин и детей. Убивали русских независимо от их возраста и пола!

Странно, что об этом никто никогда не говорил. Как такое можно было замолчать? Если об этом нельзя ничего найти в учебниках, то где вы об этом нашли информацию?

Уже после войны узники австрийских концлагерей создали Талергофский комитет. Эта организация в 1924 году во Львове начала выпускать «Талергофский альманах». Было осуществлено издание четырех выпусков, в которых энтузиасты собрали документы и рассказы очевидцев о геноциде русского населения Прикарпатья.

Почему Талергофский?

Так назывался главный концентрационный лагерь (второй наиболее известный – Терезин), в котором мучили и убивали русских людей Червонной Руси. Тот, кто не был убит и не бежал, давал официальную расписку австрийским властям, что он не русский (русин), а украинец. Так путем этнических чисток и запугивания расширялась социально-политическая база «свидомых». Фактически украинское население современной Галиции и Буковины – это потомки тех русских манкуртов, которые не раз присягали на верность австрийскому императору Францу Иосифу, выказывая при этом страстное желание бороться с Россией.

А где факты?

Пожалуйста. 15 октября 1912 года депутат австрийского рейхстага Смаль-Стоцкий в своем выступлении «заявил от имени «украинского» парламентского клуба и «всего украинского народа», что после того, как все надежды «украинского народа» соединены с блеском Габсбургской династии, этой единственно законной наследницы короны Романовичей, – серьезной угрозой и препятствием на пути к этому блеску, кроме России, является тоже «москофильство» среди карпато-русского народа»⁴. В том же смысле высказывались от имени «всего украинского народа» с парламентской трибуны и депутаты-«украинцы» Васылько, Олесницкий, Окуневский, Кость, Левицкий и им подобные.

Приведу несколько цитат из первого выпуска альманаха. Уж простите за длину, но это необходимо озвучить.

«Так, с первых же сполохов бури [I Мировой войны. – А.В.], заранее обреченная на гибель, вся верная национальным заветам, сознательная часть местного русского населения была сразу же объявлена вне всякого закона и щита, а вслед за этим и подвергнута тут же беспощадной травле и бойне... Все наличные средства и силы государственной охраны и власти, вся наружная и тайная полиция, кадровая и полевая свора жандармов, и даже отдельные воинские части и посты, дружно двинулись теперь против этих ненавистных и опасных «тварей»... А за их грозными и удобными спинами и штыками привольно и безудержно засуетился также, захлебываясь от торжествующей злобы, вражды и хулы, и всякий уж частный австрофильский накипь и сброд, с окаянным братом-изувером – Каином несчастного народа – во главе... свой же, единокровный брат, вскормленный и направленный Австрией «украинский» дегенерат, учтя исключительно удобный и благоприятный для своих партийных происков и пакостей момент, возвел все эти гнусные и подлые наветы, надругательства и козни над собственным народом до высшей, чудовищной степени и меры, облек их в настоящую систему и норму, вложил в них всю свою пронырливость, настойчивость и силу, весь свой злобный, предательский яд. И мало, что досыта, вволю – доносами, травлей, разбоем – над ним надругался, где мог, что на муки сам его предал и злостно ограбил дотла, но наконец даже, вдобавок, с цинической наглостью хама пытается вдруг утверждать, что это он сам пострадал... [...]

А вслед за тем пошел уж и подлинный, живой погром. Без всякого суда и следствия, без удержу и без узды. По первому нелепому доносу, по прихоти, корысти и вражде. [...]

Хватали всех сплошь, без разбора. Кто лишь признавал себя русским и русское имя носил. У кого была найдена русская газета или книга, икона или открытка из России. А то просто кто лишь был вымечен как «русофил». [...]

И, наконец, казни – виселицы и расстрелы – без счета, без края и конца. Тысячи безвинных жертв, море мученической крови и сиротских слез. То по случайному дикому произволу отдельных зверей-палачей, то по гнусным, шальным приговорам нарочитых полевых лжесудов. По нелепейшим провокациям и доносам, с одной стороны, и чудовищной жестокости, прихоти или ошибке, с другой. Море крови и слез...

А остальных потащили с собой. Волокли по мытарствам и мукам, мучили по лагерям и тюрьмам, вновь терзая голодом и стужей, изводя лишениями и мором. И словно в адском, чудовищном фокусе, согнали, сгрузили все это наконец в лагере пыток и смерти – приснопамятном Талергофе...⁵ [...]

⁴ Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время всемирной войны 1914–1917 гг. Выпуск первый. Террор в Галичине в первый период войны 1914–1915 гг. Львов. 1924. С. 11.

⁵ Там же. С. 5–7.

А что после этого говорить о таких случаях, когда перед подобными «судьями», по доносу в большинстве случаев жалкого «людця»-мазепинца, целые села обвинялись в открытом «русофильстве»? [...]

Часть карпато-русского народа, среди тяжелых страданий, несла на алтарь своей общей Родины – Родной Руси – свою жизнь, а другая – творила позорное и лукавое дело сознательного братоубийцы Каина...

Роль этих народных предателей, так называемых «украинцев», в эту войну общеизвестна. Детеныши национального изменника русского народа из-под Полтавы, вскормленные под крылышком Австрии и Германии, при заботливом содействии польской администрации края, в момент войны Австрии с Россией... сыграли мерзкую и подлую роль не только в отношении России и идеи всеславянского объединения, став всецело на стороне Австро-Венгрии, но в особенности в отношении жертв австро-мадьярского террора и насилия над карпато-русским населением.

Жутко и больно вспоминать о том тяжелом периоде близкой еще истории нашего народа, когда родной брат, вышедший из одних бытовых и этнографических условий, без содрогания души становился не только всецело на стороне физических мучителей части своего народа, но даже больше – требовал этих мучений, настаивал на них... Прикарпатские «украинцы» были одними из главных виновников нашей народной мартирологии во время войны. В их низкой и подлой работе необходимо искать причины того, что карпато-русский народ вообще, а наше русское национальное движение в частности, с первым моментом войны очутились в пределах Австро-Венгрии вне закона, в буквальном смысле на положении казненного преступника»⁶.

Жутко все это... Хорошо. Давайте подведем итог сказанного. Итак, если я правильно понял, первые «украинцы» возникли в Галиции и Буковине под воздействием польской пропаганды и австрийского террора?

Да. Первые «украинцы» – это переродившиеся или выродившиеся, как хотите, украинофилы – узкая, сепаратистски настроенная прослойка польской, а затем и малорусской интеллигенции, первоначально возникшая в юго-западных губерниях России.

Напомню, что польские магнаты и шляхта, окопавшиеся после раздела Польши в государственных структурах Российской империи и контролировавшие финансово, экономически, культурно, идеологически и административно Малороссию, не просто ненавидели все русское, но и бредили возрождением Польской империи «от моржа до моржа», т. е. от Балтийского до Черного моря. Кроме того, поляки доминировали и в масонских ложах юго-западного региона, а это был очень мощный рычаг влияния. Так, к примеру, на эмблеме ложи «Соединенные славяне», образованной в 1818 году в Киеве с ответвлениями во многих малороссийских городах, девиз «Славянское единство» был написан по-польски.

Формироваться украинофильское движение начало еще до польского восстания 1831 года. Личный друг императора Александра I, князь, поляк-русофоб Адам Чарторыйский, люто ненавидевший все русское, но при этом служивший сперва помощником государственного канцлера, а потом еще и министром иностранных дел России; и его друг, тоже поляк-русофоб, Тадеуш Чацкий, состоявший с 1803 года визитатором (ревизором) училищ в губерниях Киевской, Подольской и Волынской, используя свое положение, активно организовывали по всей Малороссии польские учебные заведения, в которых вместе с образованием учащимся старательно прививалась ненависть к России.

Так, в 1805 году Чацким была открыта классическая гимназия в городе Кременце, переименованная в 1819 году в лицей. В ней вместе с поляками учились и малороссы. «Учили» их

⁶ Там же. С. 3–10.

там, судя по всему, неплохо, так как когда в 1831 году был издан указ о закрытии лицей, там не нашли ни одного ученика, все ушли в повстанцы.

Также благодаря стараниям поляков в городе Умань (Киевской губернии) было организовано знаменитое базилианское (униатское) училище. Среди его воспитанников были такие представители польской культуры, как Северин Гощинский, Богдан Залесский, Михаил Грабовский и многие другие. Малороссию они не считали частью России, а малороссов – русской народностью. Для них Малая Русь была неотъемлемой частью Польши, а малороссы – особой ветвью польского народа. Впоследствии один из выпускников этого училища, Францишек Духинский, исторг из себя целую теорию о том, что «москаль» – это монголы, а малороссы, белорусы и поляки – славяне и истинные арийцы, которым надо объединиться в одно государство и нещадно бить врагов всего цивилизованного мира – клятых азиатов-«москалей».

После того как восстание 1831 года было разгромлено, это гнездо польских русофобов прекратило свое существование, но культивировавшиеся в нем идеи, в новой обработке, были подхвачены уже не только поляками, но и малороссами. В частности – членами Кирилло-Мефодиевского братства, созданного в Киеве в декабре 1845 года. Главными его деятелями были историк Костомаров, педагог Гулак, драматург Кулиш, преподаватели и студенты Киевского университета, а также художник и поэт Шевченко.

В 1850-х годах среди польской студенческой молодежи Киевского университета образовалась группа так называемых «хлопоманов» (от польского слова *chlōp* – крестьянин) во главе с поляком Владимиром Антоновичем. В группу «хлопоманов» в начале 60-х годов также входили Борис Познанский, Тадеуш Рыльский, Павел Свенцицкий и др.

Именно в этой среде в рамках этнографического культурничества постепенно вызревал политический украинофильский сепаратизм.

В конце 50-х – начале 60-х годов польские эмигрантские круги приступили к подготовке нового восстания (вспыхнувшего в 1863 году). При этом они прекрасно понимали, что воссоздание Речи Посполитой невозможно без Малой Руси – «исконно польской провинции» и без малороссов – любимых польских холопов...

Кстати. Как вы считаете, где и когда в Европе возникло первое расистское государство? В Германии в 1933-м? Отнюдь. Таким государством была Речь Посполитая. Общество этого государства было четко разделено на господ-поляков и рабов-русских. Последние в глазах польской шляхты были не просто собственностью панов, а чем-то вроде недочеловеков, говорящих скотов, которых польский пан мог купить, продать, пытать, убить. Польское презрение к украинцам как низшим существам чувствуется на бытовом уровне до сих пор. Я это говорю не понаслышке, потому что родом с Западной Украины...

Так вот, воспользовавшись своим доминирующим положением на землях Малороссии и обладая значительным культурным и интеллектуальным превосходством, поляки стали методично вбивать в головы малограмотных малороссов сепаратистские идеи, убеждая их в том, что они отдельный от русских народ, который самым зверским образом русскими угнетается.

Однако польская пропаганда действовала лишь на тонкий слой малороссийской интеллигенции. Простой народ к ней остался равнодушным. Все старания польско-малорусских украинофилов привлечь на свою сторону народные массы, поднять их против «москалей»-угнетателей были напрасными. В 1863 году польское восстание в Малороссии было подавлено в большей степени самими крестьянами. Вооружаясь вилами, топорами, косами, они стихийно собирались в отряды и безжалостно истребляли польских повстанцев. Русская армия за ними не всегда поспевала. Видать, память о славной Речи Посполитой была в генах у нашего мужика...

В 1863 году была опубликована политическая программа руководителя польского восстания Мерославского, в которой в том числе говорилось следующее: *«Неизлечимым демагогам нужно открыть клетку для полета на Днепр; там обширное пугачевское поле для нашей запоздавшей числом хмельничевицны. Вот в чем состоит вся наша панславянская и комму-*

нистическая школа. Вот весь польский герценизм!.. Пусть себе заменяют анархией русский царизм, пусть оболыцают себя девизом, что этот радикализм послужит “для вашей и нашей свободы”»⁷.

После того как польские повстанцы были разгромлены, они толпами двинули в австрийскую Галицию, чтобы там впоследствии выродить «украинську націю». Ненависть польской шляхты к России достигла тогда невероятного накала! И естественно, что полякам очень хотелось стравить русских между собой. Кстати, именно тогда в львовской украинофильской газете «Мета» (в переводе с польского – «цель») впервые появился текст песни «Ще нэ вмэрла Україна», представляя собой «украинский» вариант польского «Марша Домбровского» – «Jeszcze Polska nie zginęła». В ней, в частности, были такие строки:

*Ой Богдане, Богдане
Славний нашъ гетьмане!
Нащо віддавъ Україну
Москалям поганимъ?!
Щобъ вернути її честь,
Ляжемъ головами,
Назовемся України
Вірними синами!
Наші браття Славяне
Вже за зброю взялись;
Не діжде ніхто, щобъ ми
Позаду зістались.
Поєднаймося разомъ всі,
Братчики-Славяне:
Нехай гинуть вороги,
Хай воля настане!*

Как видим, в этом тексте четко проступает желание «братьев славян», уже поднявших оружие (хоть и безуспешно), натравить «лыцарство-козацтво» на клятых «москалей». Глупо спорить с тем, что прототип гимна современной Украины писался Павлушей Чубинским под мощным идейным влиянием недобитых малорусскими мужиками ляхов. Вот только совершенно непонятно, когда это польские шляхтичи стали для малорусских «хлопов» братьями. Наверное, после того как восставшие малороссы Речи Посполитой, устав от многовековых издевательств, угнетения, несправедливости, презрения, подлости и изуверств шляхетного панства, зверски истребили тысячи поляков по всей Малой Руси. А возможно, после того как новоиспеченная казацкая шляхта принялась торговать своим народом, отдавая его на убой, рабство и разграбление попеременно то ляхам, то татарам, то туркам, и когда этот народ стал убегать целыми селами на левый берег Днепра к москалям-угнетателям.

Из того, что вы рассказали, я понял, что в этническом плане нет различия между русскими и украинцами?

Видите ли, до того момента как такой цветок, взращенный на хорошо унавоженной почве уманской базилианской софистики, как известный русофоб-теоретик польского движения и верный «украинский» сотрудник князя Чарторыйского (на тот момент уже руководившего из Европы польским сопротивлением) Францишек Духинский (я его уже упоминал) не придумал свою знаменитую теорию о том, что русские – это разновидность монголов, а действительными

⁷ Цит. по: Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II. М., 1909. С. 132.

«русскими» и истинными арийцами являются лишь малорусы и белорусы, никто и никогда не сомневался в том, что русский народ состоит из трех народностей – малорусов, белорусов и великорусов.

Последних он, кстати, гневно стуча ножкой, категорически запрещал называть русскими и требовал, чтобы они «*nie Rosyanami, nie Ruskiemi, nie Rusinami, a prosto Moskalami zwani byli*», ибо «*Moskale uzywaja (используют) nazwy Rosyan, Rusinow, Ruskich, jako jednej z glownych broni (орудий) przeciwko (против) Polsce*». Поэтому следует отобрать у «москалей» часть их силы, «приказав называть Москалей Москалями, а не признавать за ними названий, которые они себе присвоили и которыми обосновывают свои мнимые права на большую часть Польши, на Русь»⁸. Правда, потом, после разгрома польского восстания, не только в Европе, но и в самой Польше о «научном» творчестве Духинского вспоминали только с улыбкой.

В самой Малороссии с резкой критикой фантазий Духинского в 1861 году выступил один из вождей малорусских украинофилов – Костомаров⁹, а в 1886 году профессор Дерптского университета Бодуэн де Куртене издал в Кракове брошюру («*Z powodu jubileuszu profesora Duchinskiego*»), в которой доказывал ненаучность теории Духинского и называл празднование поляками его юбилея «*юбилеем хронического патриотического заблуждения*».

Тем не менее идея о двух разных народах – «москалях» и «русиных» («украинцах») – была подхвачена польской пропагандой. Наиболее четко ее цели изложил отец Валериан Калинка, состоявший в польском иезуитском ордене «Змартвыхвстанцев», а также являвшийся приближенным вышеупомянутого Адама Чарторийского.

Цель пропаганды «двух разных народов» Калинка объяснил следующим образом (позволю себе длинную цитату, но она того стоит): «*Как нам защитить себя? чем?! Силы нет, о праве никто не вспоминает, а хваленая западная христианская цивилизация сама отступает и отрешается. Где отпор против этого потока, срывающего все преграды и катящегося, сбивая все на своем пути, несущегося неостановимо и затопляющего все окрест? Где?! Быть может, в отдельности этого русского (малорусского) народа. Поляком он не будет, но неужели он должен быть Москалем?! Сознание и желание национальной самостоятельности, которыми русины начинают проникаться, недостаточны для того, чтобы предохранить их от поглощения Россией. Опорная сила поляка хранится в его душе – между душою русина и душою москаля, однако основного различия нет, нет непереходимой границы... Была бы она, если бы каждый из них исповедывал иную веру, и поэтому-то уния была столь мудрым политическим делом. Одному Богу ведомо будущее, но из естественного сознания племенной отдельности могло бы со временем возникнуть пристрастие к иной цивилизации и в конце концов – начав с малого – к полной отдельности души. Раз этот пробуждавшийся народ проснулся не с польскими чувствами и не с польским самосознанием, пускай останется при своих, но эти последние пусть будут связаны с Западом душой, а с Востоком только формой. С тем фактом [т. е. с непольской идентичностью малороссов. – А.В.] мы справимся сегодня уже не в состоянии, зато мы должны постараться о таком направлении и повороте в будущем потому, что только таким путем можем еще удержать Ягайлонские приобретения и заслуги, только этим способом можем остаться верными призыванию Польши, сохранить те границы цивилизации, которые оно предначертало. Пускай Русь останется собой и пусть с иным обрядом, но будет католической – тогда она и Россией никогда не будет и вернется к единению с Польшей. Тогда возвратится Россия в свои природные границы – и при Днепре, Доне и Черном море будет что-то иное... А если бы – пусть самое горшее – это и не сбылось, то лучше [Малая] Русь самостоятельная, нежели Русь российская. Если Грыць не может быть*

⁸ «Do zradu narodowego powstania», Pisma Franciszka Duchinskiego, том III, стр. 283–284, Rapperswyl, 1901–1904.

⁹ «Основа», 1861, № 2, «Ответ на выходки газеты “Czas” и журнала “Revue Contemporaine”», и № 10, «Правда полякам о Руси».

моим, то да не будет он ни моим, ни твоим! Вот общий взгляд, исторический и политический, на всю Русь!»¹⁰

В конце XIX века фантазии о двух отдельных народах обрели новую жизнь во Львове благодаря стараниям Грушевского и К°. Этот неугомонный профессор решил на австрийские деньги доказать, что еще не сформировавшаяся, по его собственному мнению, «русско-украинская нация» тем не менее является самостоятельным этническим субстратом, обладающим собственной государственностью со времен Киевской Руси. В академических кругах его многотомные исторические опусы и язык, на котором он их писал, вызывали лишь смех и раздражение. Однако после того, как его научные оппоненты были расстреляны ЧК, а он был обласкан советской властью, теория «трех братских народов» была окончательно увековечена.

Но, как я уже сказал, идея того, что великороссы и малороссы это не народности одного народа, а абсолютно разные нации, была придумана русофобски настроенными польскими интеллектуалами, а потом методично вбита в голову узкой прослойке сформированной ими малоросской сельской интеллигенции. Т. е. у истоков украинофильского движения стояли поляки. Фактически под прикрытием воскресных школ и т. п. шла интенсивная пропаганда южнорусского сепаратизма.

Как писал тогда видный малорусский общественный деятель Говорский галицкому ученому и общественному деятелю Головацкому, *«у нас в Киеве только теперь не более пяти упрямых хохломанов из природных малороссов, а прочие все поляки, более всех хлопотавшие о распространении малорусских книжонки. Они сами, переодевшись в свитки, шлялись по деревням и раскидывали эти книжонки; верно пронырливый лях почувал в этом деле для себя наживу, когда решился для себя на такие подвиги»¹¹.*

Странная история. Ведь поляки активно боролись в 30–40-х годах с украинскими националистами.

Такое очень часто случается в истории. Помните старую еврейскую легенду о големе, созданном пражским рабби Левом? Он послушно исполняет работу, ему порученную, но, вырываясь из-под контроля человека, становится воплощением слепого своеволия, нередко растаптывая своего создателя. Поляки совершили ту же ошибку, что и рабби. Они создали слепого монстра, рассчитывая его использовать против русских, а он вцепился в них самих.

Карателями ОУН(б) – УПА на Западной Украине были уничтожены сотни тысяч поляков из гражданского населения! Украинские «сверхчеловеки» не щадили даже грудных детей, вырезая с особой изощренной жестокостью целые села! На мой взгляд, это страшная цена, которую заплатил польский народ за украинскую аферу своих вождей! Не безопасное это занятие, воспитывать узколобых фанатиков, заикленных на какой-то идее.

Кстати, на эти же «грабли» не так давно наступили американцы, создав Талибан и взравив на деньги ЦРУ бен Ладена. Пришло время, и их голем набросился на них самих.

Ну хорошо, допустим, с поляками все понятно. Но зачем надо было большевикам создавать украинский проект? Ведь, как я понимаю, в Малороссии народ никогда не считал себя особой, отличной от русских нацией. Не проще ли было трансформировать юго-западные губернии России в области РСФСР?

Проще. Но Ленин не пошел на это. И не только из-за своей так называемой политики национального самоопределения народов. Украинского народа-то как раз и не было. Была лишь юго-западная ветвь русской этнической группы и ничтожная кучка «свидомых» мало-

¹⁰ Цит. по: Stanislaw Tarnowski, hrabia, «Ksiadz Waleryan Kalinka», W Krakowie, 1887, с. 167–170.

¹¹ Струдинський К. Епізоди боротьби за українство в 1863 р. // Ювілейний збірник на пошану академіка М. С. Грушевського. К., Т. 2., с. 521–522.

росских интеллигентов, никогда не выражавших интересы малороссов. И Ленин об этом был прекрасно информирован. Он активно интересовался политической обстановкой в Малороссии.

Вот что, например, написала Роза Люксембург, обвинившая Ленина в сознательном развале России: *«Украинский национализм в России был совсем иным, чем, скажем, чешский, польский или финский, не более чем простой причудой, кривляньем нескольких десятков мелкобуржуазных интеллигентов, без каких-либо корней в экономике, политике или духовной сфере страны, без всякой исторической традиции, ибо Украина никогда не была ни нацией, ни государством, без всякой национальной культуры, если не считать реакционно-романтических стихотворений Шевченко. [...] И такую смехотворную штуку нескольких университетских профессоров и студентов Ленин и его товарищи раздули искусственно в политический фактор своей доктринерской агитацией за «право на самоопределение вплоть» и т. д.»*¹².

Люксембург была политиком-реалистом и, как видим, прекрасно понимала, что такое «Украина», но она, очевидно, не знала, что у большевиков, поляков и возвращенных ими «украинцев» были две общие черты, ставящие их на одну позицию в отношении «украинского вопроса».

И что это за черты?

Страх и ненависть. ОНИ ОДИНАКОВО СИЛЬНО БОЯЛИСЬ И НЕНАВИДЕЛИ РОССИЮ И ВСЕ РУССКОЕ. В данном вопросе у них доминировало очень мощное иррациональное начало.

Интернациональная, скажем так, верхушка РСДРП(б), в которой русских надо было еще поискать, не могла себе позволить сохранить государствообразующее этническое ядро Российской империи. По их мнению, в коммунистическом рае ни русский народ, ни русская культура не должны были доминировать. Для них русская культура была лишь «русским великодержавным шовинизмом». Не зря интернациональная верхушка большевиков уничтожала физически прежде всего носителей русской культуры. Именно поэтому русский этнический монолит был разрезан на три части и объявлен «тремя братскими народами». Тут-то как раз и пригодилась духинская идеология «двух отдельных народов», особого украинского языка и самостоятельной культуры. Вот и получается, что сама идея создания «украинцев» и «Украины», иными словами Руси антирусской, была рождена творческим гением поляков, австрийцев и германцев, но превратил ее в реальность Сталин.

В 1921 году, выступая на X съезде партии, он подчеркнул, что *«если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы»*¹³. И это было серьезное заявление.

Коммунистам практически с нуля пришлось создавать украинскую «нацию», украинский «язык», украинское «государство», украинскую «культуру» и т. п. Всякий, кто был уличен в «отрицательном отношении к украинизации», моментально увольнялся без выходного пособия. Чистке по критерию «национальной свідомости» подвергся аппарат государственного управления. Борьба с неграмотностью проводилась на украинском языке. Процесс украинизации постоянно контролировала тьма разнообразных комиссий. Вся мощь партийного аппарата и государственной машины обрушилась на «несвідомэ насэлэння», которое должно было в кратчайшие сроки стать «українською нацією». Не зря Грушевский, вернувшись в советскую Украину, с восторгом писал одному из своих соратников, что *«я тут, несмотря на все*

¹² Люксембург Р. Рукопись о русской революции // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 22–23.

¹³ Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сб. статей и речей. – М., 1937. С. 81.

недостатки, чувствую себя в Украинской Республике, которую мы начали строить в 1917 году»¹⁴. Еще бы!

Как на все эти мероприятия реагировал простой малорусский мужик? Вот как описывал народные настроения 1918 года «свидомый» украинизатор от КП(б) У, нарком просвещения УССР Затонский: *«Широкие украинские массы относились с... презрением к Украине. Почему это так было? Потому что тогда украинцы [в смысле украинофилы. – А.В.] были с немцами, потому что тянулась Украина от Киева аж до империалистического Берлина. Не только рабочие, но и крестьяне, украинские крестьяне не терпели тогда «украинцев» (мы через делегацию Раковского в Киеве получали протоколы крестьянских собраний, протоколы в большинстве были с печатью сельского старосты и все на них расписывались – вот видите, какая чудесная конспирация была). В этих протоколах крестьяне писали нам: мы все чувствуем себя русскими и ненавидим немцев и украинцев и просим РСФСР, чтобы она присоединила нас к себе»*¹⁵.

Большевики ломали в 20-х малороссов через колено, стремясь путем т. н. «коренизации» переделать их из русских в «украинцев». Однако народ оказывал упорное, хотя и пассивное, сопротивление украинизации. Имел место откровенный саботаж решений партии и правительства. В связи с этим партийных вождей просто «плющило» от злости. *«Презренный ишкурнический тип малоросса, который... бравитует своим безразличным отношением ко всему украинскому и готов всегда оплевать его»*¹⁶, – гневно сокрушался в те годы на заседании ЦК КП(б) У Шумский. Не менее энергично высказывался в своем дневнике и партийный деятель Ефремов: *«Нужно, чтобы сгинуло это рабское поколение, которое привыкло только «хохла изображать», а не органично чувствовать себя украинцами»*¹⁷. Несмотря на эти пожелания пламенного большевика-ленинца, малороссы не «згинули» и не почувствовали себя органично «украинцами», хоть эта этнонимическая кличка и закрепилась за ними в годы сталинизма. Как оказалось, русский дух не так-то просто задушить. Для этого явно не хватало массового террора и концентрационных лагерей по австрийскому образцу.

Понимая всю сложность поставленных задач по переделке юго-западной ветви русского народа в «украинцев», большевики начиная с 1925-го принялись завозить в центральные регионы Малороссии десятки тысяч «свидомых галицийцев», размещая их ровным слоем на руководящих постах в Киеве и поручая им промывку мозгов населения¹⁸.

Особенно усердствовал в 1927–1933 годах руководитель Наркомпроса, пламенный большевик Скрыпник. «Свидомымы» янычарами Франца Иосифа большевики также заменяли русскую профессуру, ученых, не желавших украинизироваться¹⁹. В одном из своих писем Грушевский сообщил, что из Галиции переехали около 50 тысяч человек, некоторые с женами и семьями, молодые люди, мужчины²⁰. Очевидно, без привлечения идейных «украинцев» Австро-Венгрии, взлелеянных на польской пропаганде, украинизация Малороссии была бы просто невозможна.

А вот что писал один из них о том, как их воспринимали в Малороссии: *«Мое несчастье в том, что я – галичанин. Тут галичан никто не любит. Старшая русская публика отно-*

¹⁴ Листи М. Грушевського до Т. Починка з додатком двох листів до Д. Островського // Український історик. 1970. № 1–3. С. 182.

¹⁵ Перший всеукраїнський учительський з'їзд в Харкові від 5 до 11 січня 1925 р. Х., 1925. С. 65.

¹⁶ Цит. По: Гірчак Є. Хвильовизм. Х., 1930. С. 128.

¹⁷ Ефремов С. Щоденники. 1923–1929. К., 1997 С. 533.

¹⁸ Блінда Л. В. Українізація та її роль в суспільно-політичному житті українського народу в 20-і роки. Дис. Канд. Істор. Наук. К., 1992. С. 117.

¹⁹ Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20–50 роки ХХ ст. – Київ, 1994. С. 41–45. «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. – К., 2003. С. 100.

²⁰ Там же. С. 28.

сится к ним враждебно как к большевистскому орудью украинизации (вечные разговоры о “галицийской мове”). Старшие местные украинцы относятся еще хуже, считая галичан “предателями” и “большевистскими наймитами”»²¹.

У наших «свидомых украинцев» является хорошим тоном проводить пятиминутки ненависти по отношению к «кату» и «голодоморителю украинского народу» Иосифу Сталину, но комичность ситуации заключается в том, что, если бы не железная воля «отца народов», ни «украинцев», ни «Украины» никогда бы не было.

Кстати, если говорить о традиционном пантеоне врагов Украины, составленном «свидомыми», то необходимо заметить, что их ненависть к «москалям» еще как-то можно обосновать, а вот их ненависть к «жидам» труднообъяснима. Возможно, это просто откровенная неблагодарность, а возможно, просто тупое невежество.

Почему?

Дело в том, что евреи внесли колоссальный вклад в дело создания «украинцев», «Украины», «украинского» языка и литературы. Это тема научного исследования как минимум на отдельную монографию.

Если бы у «свидомых» была хоть капля благодарности, то сейчас как минимум на Европейской площади возвышался бы памятник Лазарю Кагановичу.

А на майдане Независимости?

Там был бы водружен гигантский монумент Иосифу Сталину, который когда-то, кстати, там и стоял.

А при чем тут вообще Каганович?

Наиболее интенсивный и радикальный период советской украинизации 20-х годов прошлого века проходил под его непосредственным руководством. Это была действительно выдающаяся личность. Я говорю это без всякой иронии. Он – человек острого ума и несгибаемой целеустремленности. По сравнению с тем, как он осуществлял украинизацию, все то, что делали его последователи после провозглашения украинской независимости в 91-м, выглядит слюнтяйством и дуракавалянием. «Свидомым» надо не портреты Тараса Григорьевича заворачивать в рушнички и вывешивать как икону на стену, а фотографии Лазаря Моисеевича. Об этом просто вопит благим матом историческая справедливость.

Впрочем, даже такие титаны, как Сталин и Каганович, не смогли сломать национальный и культурный хребет малороссов. Побушевав десять лет, процесс украинизации тихо заглох, наткнувшись на пассивное сопротивление народа. Единственное, что от него осталось, это названия «украинец», «Украина», графа в паспорте, казенные писатели и искусственный язык на уроках украинского языка и литературы в школе.

Но почему советская украинизация стала сдавать темп и потом сошла на нет? Ведь Сталин мог и дальше ее проводить, несмотря на нежелание народа украинизироваться.

Похоже, что к началу 30-х Сталину пришлось отказаться от любимой Лениным идеи мировой революции. Дело в том, что вождь мирового пролетариата, к тому времени уже покойный, «замутил» всю эту игру в «национальное самоопределение» для всех угнетенных народов России лишь для того, чтобы потом к их освобожденному братскому союзу постепенно присоединять новые государства, прошедшие через пролетарскую революцию. К 30-м Сталин, как талантливый политик-реалист, понял, что с мировой революцией в принципе ничего не

²¹ Там же. С. 40.

«светит» и что перед лицом хищных империалистов необходимо превратить Советский Союз в надежную коммунистическую крепость. Это был этап глухой обороны. Сталину было нужно сильное, монолитное государство с эффективной, жестко централизованной властью. «Украинский» народ уже был создан, а надобности в дальнейшем углублении украинизации, немало раздражавшей народ, в общем-то, уже не было. К тому же ему изрядно поднадоел настырный «буржуазно-националистический» уклонизм некоторых вождей КП(б) У, которых он потом слегка «проредил» за «перегибы». В итоге украинизация заглохла. Народ с облегчением вздохнул. Но «Украина», «украинци», «українська мова» остались. Лишь в 1991-м бывшие партии и комсомольцы торжественно возродили сталинскую украинизацию с шароварно-галупечными элементами в ее национально-демократической, предельно карикатурной версии.

Была ли тогда возможность пойти вашей республике другим путем?

Нет. Когда партийная и управленческая номенклатура Украины неожиданно оказалась «нэзалэжною» от старших товарищей из Москвы, под эту «нэзалэжність» необходимо было подвести соответствующий идеологический фундамент. Кроме польско-австрийско-немецких сепаратистских идей, отшлифованных до блеска в 20-х годах советской властью, в 30–40-х «мыслителями-воителями» ОУН – УПА(б) и в 60–70-х диссидентами-укаинофилами, других идей просто не было. Ни чиновники, ни народ не были готовы к внезапно свалившейся на них независимости. Никто не знал, что с ней делать. Великие идеи «нэзалэжности» придумывались на ходу, во время дожевывания пищи от буфета Верховной рады до сессионного зала.

После провозглашения независимости, на волне массивированной пропаганды, произошел новый и, я думаю, последний всплеск укаинофилии, с последующей принудительной укаинизацией населения. Но уже к концу 90-х «свидомы» вернулись к своему естественному состоянию – мелким маргинальным группам, оформившимся в крикливо-агрессивные националистические партии «диванного типа». Похоже, что русская по своей сути ментальная и культурная среда Малой Руси просто естественным путем растворила введенное в нее инородное тело так называемого «украинства» и вывела его из себя как шлак, одновременно отторгнув путем массового саботажа очередную казенную укаинизацию. Малороссы, сами того не осознавая, оставались малороссами, игнорируя непрекращающиеся призывы к «национальному видродженню» и инструкции на предмет того, как «вбыты у соби москаля».

Все, что вы сегодня рассказали, звучит очень неожиданно даже для нас здесь, в России. Но услышат ли вас ваши соотечественники? Нужна ли им правда о самих себе?

Смотря какие соотечественники. Для многих то, что я сегодня рассказал, станет глотком свежего и чистого воздуха в затхлой атмосфере укаинофильской пропаганды. «Свидомыми», которые знают правду, но, тем не менее, целенаправленно с фанатичным упорством «разбудовують Украину», мои слова будут восприняты как «укаинофобия» и «русский великодержавный шовинизм». Но хочу заметить, что среди них есть очень много просто обманутых пропагандой людей, ищущих нечто большее, чем комфортное «ротожопие» «за эвропейськими стандартами». Не исключено, что кто-то из них задумается о том, что я рассказал, и попытается самостоятельно во всем разобраться.

К тому же мой сегодняшний скорбный рассказ о том, как появились «украинци» и «Украина», я изложил не для того, чтобы кинуть камень в огород наших «свидомых патриотів». Я бы не стал себя для этого напрягать. Главная моя цель сегодняшней беседы – показать глубинные причины той кризисной ситуации, в которой сейчас оказалась Украина. Раскрыть причины стремительно надвигающегося распада страны.

Хорошо. Думаю, что на сегодня мы можем завершить наш разговор. Единственный вопрос, который у меня остался, о чем мы будем беседовать в следующий раз?
О том, что такое русский и украинский языки.

Это интересно! Тогда до следующей встречи!

18.04.2007

Беседа вторая. Что такое «украинский язык»

Зная о теме нашей сегодняшней беседы, я постарался к ней как-то подготовиться. Ваши историки заявляют о том, что архаичный украинский язык существовал уже в XIII веке. А формироваться он начал аж в VI веке! Что вы об этом думаете?

У нас даже есть «фахивци», которые на полном серьезе утверждают, что древние «украинцы» побудовали египетски пирамиды», основали Иерусалим и что вообще «Украина е колыскою свитової цивілізації». Подобных «научных открытий» за годы независимости было сделано тьма-тьмущая. В этом же ключе на уровне неуравновешенных фантазий «осмысливается» и украинский язык.

Дело в том, что в среде «свидомых» святость украинского языка сопоставима лишь со святостью Тараса Шевченко. В этом смысле «українська мова» очень похожа на покойника, о ней либо говорят хорошо, либо ничего не говорят. Ею разрешается только восторгаться и неистово любить, но абсолютно запрещается всякая попытка разобраться в том, что она собой представляет.

А какие по данному вопросу существуют неясности?

Если рассматривать украинский язык через призму официальной мифологии, то неясно практически все. Я понимаю, что мое утверждение звучит крайне радикально, но, тем не менее, это так.

И в чем же заключается эта неясность?

Мало кто знает, когда именно был создан украинский язык, кем и для чего. Даже в среде продвинутой украинской интеллигенции, в том числе и «свидомой».

Вы меня заинтриговали.

Я достаточно часто задаю этот вопрос в Киеве весьма неглупым и образованным людям и каждый раз убеждаюсь в их абсолютном невежестве.

Что утверждает официальная политическая мифология Украины? Существует древняя украинская нация, которая разговаривает на не менее древнем украинском языке. Однако, как мы уже выяснили в нашей предыдущей беседе, первые представители «древней украинской нации» возникли в конце XIX века в австрийской Галиции в лоне украинофильских политических партий. Как вы понимаете, язык не мог родиться раньше своего носителя. То есть тогда же, где-то в конце XIX века, авангардом вылупившихся из польской идеологии «этнических украинцев», был создан и прототип «древнего украинского языка», позднее систематизированный и приведенный к единому стандарту большевиками во время советской украинизации.

На мой взгляд, вы сделали крайне сомнительное заявление. Даже я, не являясь большим знатоком данного вопроса, очень легко смогу его опровергнуть...

Одну секунду. Давайте не будем торопиться. Позвольте мне сперва изложить вам ряд исторических фактов, а уж потом вы выдвинете свои контраргументы. Если они у вас останутся. Согласны?

Во-первых, необходимо начать с того, что НИ В ОДНОМ ПИСЬМЕННОМ ПАМЯТНИКЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ ВЫ НЕ НАЙДЕТЕ НИЧЕГО, ХОТЯ БЫ ОТДАЛЕННО ПОХОЖЕГО НА СОВРЕМЕННЫЙ УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК. Здесь повторяется та же история, что с «украинцами» и «Украиной». Нет никаких следов и даже намеков на существование украинского языка глубже второй половины XIX века.

Во-вторых, не надо быть филологом, чтобы увидеть в древнерусском языке, на котором писались летописи и берестяные грамоты, прототип современного литературного русского языка. Просто почитайте тексты, тот, кто знает русский, без труда их поймет, хотя писались они сотни лет назад.

Что интересно, древнерусский язык «свидомии» упорно называют «староукраинским», хотя произошел он, по их же мнению, от «давньоруських литературных традиций», т. е. опять-таки от древнерусского. Круг, как вы понимаете, замкнулся. Забавно, но «свидомии науковци» очень слабо отличают «русское» от «украинского», точнее они принципиально стараются называть все русское (малорусское), оказавшееся на территории современной Украины, «украинским». Об этом в иммиграции в 1939-м писал редактор и издатель крайне популярной в начале прошлого века киевской газеты «Киевлянин» Василий Шульгин.

«Они выискивают в этой истории все свидетельства, неоспоримо доказывающие, что в нашем крае жил и страдал русский народ. Во всех этих случаях они перечеркивают слово «русский» и сверху пишиут «украинский». И это не только в фигуральном смысле, а и в буквальном. И сейчас можно найти, например, в Белграде, в публичной русской библиотеке, сочинение Костомарова, где рука неизвестного украинствующего фальсификатора делала «исправления» (том, на который я случайно натолкнулся, носит номер 31, 117 / 2: X.).

На страницах 292, 293 я обнаружил следующее. Напечатано: «Великаго княжества русскаго». Зачеркнуто «русскаго», сверху написано «украинскаго». Напечатано: «Великое княжество русское». Зачеркнуто «русское», сверху написано «украинское». Напечатано: «с делом производством на русском языке». Зачеркнуто «русском», написано рукой «украинском». В таком виде препарированном подносят украинствующие историю казацкого периода русскому интеллигенту; и он, имея о казаках весьма слабые сведения, верит»²².

Особенно смешно читать современные украинские школьные учебники. Берем «Вступ до історії України» для 5-го класса²³ под редакцией некоего доктора и профессора Мыщыка. Читаем на странице 78: «Литвини приймали християнство; руська мова, тобто давньоукраїнська, руські звичаї та закони швидко поширювалися в Литві»²⁴. Очень интересное пояснение – «русский язык, то есть староукраинский» (!). На той же странице: «...було укладено угоду про об'єднання (унію) Польської та Литовсько-Руської держав в одну – Річ Посполиту. Відтоді українські землі опинилися під владою Польщі»²⁵. То есть объединились Польское и Литовско-Русское государства, а под власть Польши попали почему-то «украинские земли». В другом учебнике «История Украины» для 7-го класса²⁶ на странице 161 читаем: «Цей період в історії дістав назву «Велике княжіння Руське». На території Східного Поділля, Волині, Київщини, Сіверщини, Смоленщини, Вітебщини, Полоцької землі почалася розбудова Українсько-Білоруської держави»²⁷. То есть историческая эпоха называлась «Великое княжение Русское», а государство было почему-то «Украинско-Белорусским». Слышали когда-нибудь о таком? Упомянется ли такое государство хоть в одном источнике? На той же странице читаем: «Щоб позбавити Свидригайла підтримки української знаті, Ягайло у 1432 р. видав привілей, яким

²² Шульгин В. Украинствующие и мы. Белград., 1939.

²³ Власов В. С., Данилевська О. М. Вступ до історії України: Підруч. Для 5 кл. загальноосв. Навч. Закладів. – К.: Генеза, 2005.

²⁴ «Литвины принимали христианство; русский язык, то есть древнерусский, русские обычаи и законы быстро распространялись в Литве».

²⁵ «Было заключено соглашение об объединении (унии) Польского и Литовско-Русского государства в одно – Речь Посполитую. С тех пор украинские земли оказались под властью Польши».

²⁶ Лях Р. Д., Темброва Н. Р. Історія України: Підруч. Для 7-го кл. загальноосв. Навч. Зал. – Вид. 4-те, виправ. – К.: Генеза, 2003.

²⁷ «Этот период в истории получил название «Великое княжение Русское». На территории Восточного Подолья, Волини, Киевщины, Сиверщины, Смоленщины, Витебщины, Полоцкой земли началось строительство Украинско-Белорусского государства».

зрівнював у правах з литовськими боярами-католиками руських бояр, які прийняли сторону Сигізмунда. Поодинокі та групами руські феодалы почали переходити на його бік»²⁸. То есть, по логике авторов учебника, знать в Литовско-Русском государстве была «украинской», а бояре и феодалы, ее составляющие, – «русскими». Там же: «Патріотично налаштована частина руських князів продовжила боротьбу за незалежність України»²⁹. Нормально? Князья были русскими, но боролись при этом исключительно за независимость Украины. И так далее, и тому подобное.

Оба учебника рекомендованы Министерством образования и науки Украины.

Представляете, что будет в голове у детей после заучивания такой информации?

Ладно... Вернемся к древнеукраинскому языку.

Тот факт, что в исторических документах нет ничего и отдаленно напоминающего современный украинский язык, «свидомы» объясняют довольно смешно, они заявляют, что в те времена существовало два языка – разговорный и письменный, и тот, который был разговорным, как раз и является украинским. То есть он был, но его самым трагическим образом не зафиксировали письменно.

Может, так оно и было?

Если украинский существовал лишь в разговорной форме, то объясните мне на милость, откуда о нем узнали «свидомы»? Ведь живые носители этого языка не дожили до светлого момента «незалежности». Откуда они узнали о его существовании? Общались с духами умерших?

Все разговоры про «староукраїнську мову» не более чем домыслы, ничем не подкрепленные теории во имя политической мифологии. Фантазировать об украинском языке, который якобы начал зарождаться уже в VI веке, конечно, можно, но какое это отношение имеет к науке? Исторических документов, на основании которых можно сделать подобные выводы, просто нет. Это вынуждены признать наиболее вменяемые из «свидомых», имеющие историческое образование. Но ведь им так нужна мифология!

На самом деле тот язык, который мы сейчас называем литературным «украинским», начал создаваться где-то в середине XIX века польско-малороссийскими украинофилами. Затем над ним трудились вплоть до начала XX века «свидомы украинци» австрийской Галиции, а завершили его доработку уже чиновники советской Украины.

Насколько я знаю, украинский язык начался значительно раньше, с «Энеиды» Котляревского. И на украинском писал Шевченко. Нестыковка получается.

Дело в том, что ни Котляревский, ни Шевченко и слухом не слыхивали про «українську мову». А если бы узнали о ней, то, скорее всего, перевернулись бы от досады в гробах.

Не понимаю. Что вы имеете в виду?

Они писали не на украинском языке, а на малорусском наречии.

Разве это не одно и то же?

Нет. Что такое малорусское наречие? Это древнерусский язык средневековой Руси, обильно разбавленный впоследствии польскими заимствованиями. Это наречие села, бытового общения русских холопов Речи Посполитой, естественным образом перенявших в течение нескольких столетий слова и обороты из языка своих господ. Малорусское наречие – это

²⁸ «Чтобы лишить Свидригайло поддержки украинской знати, Ягайло в 1432-м выдал привилегию, которой уравнивал в правах с литовскими боярами-католиками русских бояр, которые приняли сторону Сигизмунда. В одиночку и группами русские феодалы начали переходить на его сторону».

²⁹ «Патриотически настроенная часть русских князей продолжила борьбу за независимость Украины».

то, что сейчас у нас называют презрительно суржи́ком. Говор малоросских крестьян Полтавщины и Черниговщины является эталоном малоросского наречия. Он весьма красив и певуч, но, как вы понимаете, слишком примитивен, чтобы быть языком литературы, науки и т. п.

Именно поэтому «Энеида» Ивана Котляревского была своеобразным «приколом» хорошо образованного малоросса (родным языком которого, кстати, был русский), пародией на Вергилия, написанной бытовым языком холопов, для того чтобы потешить высоколобую интеллигенцию России.

Дело в том, что в XVII веке в Европе появились литературные юмористические переделки произведений этого римского поэта. Наиболее известные из них: «Перелицованный Вергилий» французского писателя Скаррона; «Перелицованная Энеида» итальянского писателя Лалли; «Вергилиева Энеида, или Приключения благочестивого героя Энея» австрийского писателя Блюмауера. Такая же пародия появилась в XVIII веке и в России. Ее автором был русский поэт Осипов. Вышла она под названием «Вергилиева Энеида, вывороченная наизнанку». Интересно то, что первая попытка написать пародию на Вергилия, используя селянский говор, была сделана до Котляревского неким Лобысевичем во второй половине XVIII века. Он попытался переписать «Буколики», показав «вергилиевых пастухов... в малороссийский кобеняк переодетых».

Именно «Вергилиева Энеида, вывороченная наизнанку» Осиповым, и вдохновила учителя, учившего уму-разуму отпрысков малороссийских помещиков, Ивана Котляревского на написание своей «Энеиды». В значительной степени это было подражание Осипову, хотя, безусловно, весьма талантливое, но не на русском литературном языке, а на малорусском селянском наречии. Он полагал, что древние римляне в образе малороссийского мужика, разговаривающие его языком, значительно усилят комический эффект. Написание «Энеиды» для него было своеобразным литературным развлечением. Он хотел просто позабавить и рассмешить читающую публику.

Однако в конце XIX века «свидомыми» было принято решение назначить Котляревского отцом украинского языка. Вот бы Иван Петрович удивился, если бы узнал об этом. Думаю, этот курьез его насмешил бы сильнее, чем перелицованная «Энеида», ведь к «возрождению национального украинского языка» Котляревский имел такое же отношение, как и сам Вергилий.

Об этом можно судить хотя бы по настоящему названию его произведения.

В 1809 году Котляревский подготовил к печати первое авторское издание «Энеиды». Поэма вышла под таким названием: «Виргилиева Энеида. На малороссийский язык переложенная И. Котляревским. Санкт-Петербург. В медицинской типографии, 1809 года».

В связи с этим «свидомые» кричат, что это царская цензура заставляла Котляревского называть язык, на котором он писал «Энеиду», малороссийским, что только страх перед «москальским» царизмом заставил Котляревского умолчать об его «украинском» языке. Сия чушь легко опровергается как рукописями писателя, так и его личными письмами, к которым страшная царская цензура не имела доступа.

Как известно, из рукописи котляревской «Энеиды» сохранился лишь отрывок автографа шестой части, представляющий собой четыре небольшие тетради, на первой странице первой из них автор вывел заглавие: «Малороссийская Энеида, часть шестая». А в конце письма к русскому поэту, переводчику «Илиады» Гнедичу от 27 декабря 1821 г., Котляревский писал «Я над малороссийскою «Энеидой» 26 лет баюшки баю»³⁰. Заметьте, над МАЛОРОССИЙСКОЙ, а уж никак не над УКРАИНСКОЙ. Это потом все малоросское (русское) неожиданно превратилось в «украинское».

Написанная легко и смешно, она должна была развлечь столичную интеллигенцию. И не более того. А уже потом «свидомы» литературоведы нашли в ее недрах тайный, глубин-

³⁰ Котляревський Іван. Поетичні твори. Драматичні твори. Листи. Київ. 1982. С. 286.

ный смысл – украинскую революционную сатиру, направленную против российского «царату». Ирония судьбы. По сути, Иван Котляревский со своей «Энеидой» – это некое (естественно, более талантливое и высокое по форме и содержанию) подобие «творящего» сейчас Леся Поддережанского с его «Гамлетом» и «Королем литром». С той только разницей, что Котляревского с его литературным «приколом» сельская интеллигенция записала в основоположники украинского литературного языка. Таким образом, русская литературная шутка фактически стала основой т. н. литературного «украинского языка».

Еще в 1861 году один из вождей украинофилов П. Кулиш назвал Котляревского выразителем «антинародных образцов вкуса», от души поиздевавшимся в своей «Энеиде» над *«украинской народностью»*, выставившим напоказ *«все, что только могли найти пань карикатурного, смешного и нелепого в худших образчиках простолюдина»*, а язык поэмы назвал *«образцом кабацкой украинской беседы»*³¹.

Но что интересно, позднее это не помешало Кулишу, руководствуясь идеями «национального украинского возрождения», внести крупные переделки текста в издание «Энеиды» 1862 года, по которому, как правило, переиздавалась впоследствии поэма. Кстати, Кулиш, на правах образованного, старшего товарища, редактировал и тексты своего друга Шевченко (и не только он).

Ну, хорошо, а как же Валуевский и Эмский указы, запрещавшие использовать украинский язык, или, как вы говорите, малорусское наречие? Зачем это надо было делать? Чем так малорусское наречие могло навредить Российской империи?

Тут вы опять зацепили одну из любимых мифологем «свидомых украинцев». Кроме Валуевского циркуляра и Эмского указа, они в патриотическом угаре как-то насчитали еще около 180 (!) подобных запретительных административных документов Российской империи. Как всегда, конечно, без ссылок на источники. Представляете, с какой временной плотностью, по какому интенсивному графику работало «украинофобское» законодательство России! А самое главное, зачем же так много-то? Неужто царским сатрапам не хватило бы одного указа, чтобы раз и навсегда запретить «ридну мову»?

На самом деле все это полная чушь. И чтобы в этом убедиться, необходимо просто прочесть не выдранную из контекста цитатку, а весь текст того же Валуевского циркуляра. Он запрещал не малорусское наречие, а пропаганду южнорусского сепаратизма под прикрытием литературы для крестьян.

Если помните, во время нашей предыдущей беседы я рассказывал о подрывной деятельности поляков-русофобов на территории Малороссии, готовивших польское восстание (1863-го) и планировавших втянуть в него малорусских крестьян?

Да, конечно. Тогда фигурировали такие личности, как помощник государственного канцлера России, а потом еще и министр иностранных дел Адам Чарторыйский и его товарищ, инспектор училищ в Киевской, Подольской и Волынской губерниях Тадеуш Чацкий.

Совершенно верно. Так вот, в определенный момент о польской пропаганде сепаратизма среди крестьян Малороссии (под прикрытием литературного украинофильства) стало известно властям. Затем в январе 1863-го началось польское восстание. В этой ситуации даже «продвинутые» петербургские либералы-великороссы, пламенно защищавшие до этого момента «угнетаемых царизмом» малороссов, вдруг поняли, к чему и кем была заварена вся эта украинофильская, литературно-языковая «каша». Смысл происходящего оставался не ясным лишь законченным идиотам.

³¹ Кулиш П. А. Обзор украинской словесности // Основа. 1861. № 1. С. 244, 246, 247.

Как в такой ситуации действовало бы любое правительство любой страны? Естественно, было необходимо предпринять действия, направленные на укрепление национальной безопасности. Именно поэтому летом 1863-го появился документ под названием «Отношение министра внутренних дел к министру народного просвещения от 18 июля, сделанное по Высочайшему повелению». В нем, в частности, говорилось следующее:

«Давно уже идут споры в нашей печати о возможности существования самостоятельной малороссийской литературы. Поводом к этим спорам служили произведения некоторых писателей, отличавшихся более или менее замечательным талантом или своею оригинальностью. В последнее время вопрос о малороссийской литературе получил иной характер, вследствие обстоятельств чисто политических, не имеющих никакого отношения к интересам собственно литературным. Прежние произведения на малороссийском языке имели в виду лишь образованные классы Южной России, ныне же приверженцы малороссийской народности обратили свои виды на массу непросвещенную, и те из них, которые стремятся к осуществлению своих политических замыслов, принялись, под предлогом распространения грамотности и просвещения, за издание книг для первоначального чтения, букварей, грамматик, географий и т. п. В числе подобных деятелей находилось множество лиц, о преступных действиях которых производилось следственное дело в особой комиссии.

В С.-Петербурге даже собираются пожертвования для издания дешевых книг на южно-русском наречии. Многие из этих книг поступили уже на рассмотрение в С.-Петербургский цензурный комитет. Не малое число таких же книг представляется и в киевский цензурный комитет. Сей последний в особенности затрудняется пропуском упомянутых изданий, имея в виду следующие обстоятельства: обучение во всех без изъятия училищах производится на общерусском языке и употребление в училищах малороссийского языка нигде не допущено; самый вопрос о пользе и возможности употребления в школах этого наречия не только не решен, но даже возбуждение этого вопроса принято большинством малороссиян с негодованием, часто высказывающимся в печати. Они весьма основательно доказывают, что [внимание! это самое любимое место «свидомых», которое они цитируют, вырвав из контекста и выдавая его за личное мнение царского «сатрапа» Валуева. – А.В.] никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может и что наречие их, употребляемое просто-народием, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши; что общерусский язык так же понятен для малороссов, как и для великороссиян, и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для них некоторыми малороссами и в особенности поляками, так называемый украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказать противное, большинство самих малороссов упрекает в сепаратистских замыслах, враждебных к России и губительных для Малороссии.

Явление это тем более прискорбно и заслуживает внимания, что оно совпадает с политическими замыслами поляков и едва ли не им обязано своим происхождением, судя по рукописям, поступившим в цензуру, и по тому, что большая часть малороссийских сочинений действительно поступает от поляков. Наконец, и киевский генерал-губернатор находит опасным и вредным выпуск в свет рассматриваемого ныне духовною цензурою перевода на малороссийский язык Нового Завета.

Принимая во внимание, с одной стороны, настоящее тревожное положение общества, волнуемого политическими событиями, а с другой стороны имея в виду, что вопрос об обучении грамотности на местных наречиях не получил еще окончательного разрешения в законодательном порядке, министр внутренних дел признал необходимым, впредь до соглашения с министром народного просвещения, обер-прокурором св. синода и шефом жандармов относительно печатания книг на малороссийском языке, сделать по цензурному ведомству распоряжение, чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы; пропуском же книг на малороссийском языке

как духовного содержания, так учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения народа, приостановиться. О распоряжении этом было повергаемо на Высочайшее Государя Императора воззрение и Его Величеству благоугодно было удостоить оное монаршего одобрения»³².

Я привел весь текст популярного среди «свидомых» Валуевского циркуляра. Из него не сложно понять, что он не запрещал малоросское наречие и литературу, а лишь блокировал запущенные поляками и австрийцами механизмы сепаратизма под прикрытием украинофильского движения. И не более того.

К тому же уже к 70-м годам цензурные ограничения, введенные в России в 1863 году, практически не действовали. Украинофилы свободно печатали все, что считали нужным. Кроме научных работ, художественной прозы и поэзии на малорусском издавались большими тиражами дешевые популярные брошюры для просвещения народных масс.

При этом очень активно книги и брошюры на «украинский мови» печатали «свидомы» поляки и «украинцы» австрийской Галиции, а затем завозили их на территорию Малороссии. К тому же в Вене издавались для подпольной пропаганды в России популярные социалистические брошюры на малоросском наречии. Кстати, хочу при этом заметить, что в то же время австрийцы запретили ввоз на территорию Галиции любой литературы, изданной в России. Там русский язык был фактически объявлен вне закона.

Естественно, что на этот процесс не могла не отреагировать адекватным образом российская власть. Третьим отделением было установлено, что распространение австрийской подрывной литературы осуществляется через киевскую «громаду» (кружок украинофилов, преимущественно студентов и преподавателей, продвигавших идею воскресных школ с преподаванием на малороссийском) и «Юго-Западный отдел» Российского географического общества, основанный активистами этой «громады» (первую скрипку в нем играл упомянутый мной в предыдущей нашей беседе Павлуша Чубинский – будущий творец «Щэ нэ вмэрла Украйна»). Александр II, к которому стекалась вся информация о деятельности малорусских украинофильских групп и их связях с границей, распорядился создать специальную комиссию, которой был подготовлен соответствующий указ, подписанный императором 18 мая 1876 года в немецком курортном городке Эмсе. Он должен был прежде всего запретить ввоз на территорию Российской империи подрывной литературы и блокировать механизмы сепаратистской пропаганды внутри страны. Кроме того, как писал Сергей Щеголев в 1912 году, данный указ должен был «малорусскую письменность в возможной близости к малорусской народной речи (где ее сфера обращения была природной) и воспрепятствовать искусственному введению в эту письменность неологизмов и употреблению правописания, отличающегося от изучаемого в государственной школе»³³.

Если вам интересна эта тема, советую прочесть статью львовского историка Леонида Соколова «Валуевский циркуляр и Эмский указ. Правда и вымыслы». В ней он весьма подробно и доходчиво разъясняет суть вещей. От себя только хочу добавить, что все эти запреты в большей степени оставались на бумаге и переставали действовать буквально через год-два после опубликования. К примеру, Валуевский циркуляр утратил силу в середине 1864 года, сразу же после разгрома польского восстания. Эмский указ официально был отменен в 1905-м, но реально многие его положения никогда не действовали, а другие использовались выборочно. Как писал в своем исследовании Стебницкий: «В течение тридцати лет своего существования закон 1876 г., оставаясь, как общее правило, грозой для малорусского литературного движения и притом все усиливая раскаты своего грома и силу удара своих молний. В то же время фактически, отдельными отступлениями цензурной практики, был в разное

³² Цит. по: Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 гг. СПб., 1904. С. 302–303.

³³ Щеголев С. Н. История «украинского» сепаратизма. – М.: Имперская традиция, 2004. С. 69.

*время отменен во всех своих частях»*³⁴. Это, со своей стороны, подтверждает интенсивное распространение украинофильской пропаганды в Малороссии и активное печатание малорусской литературы. Художественные романы, этнографические исследования, популярные просветительские брошюры для народа издавались как до, так и после Валуевского циркуляра и Эмского указа. В 1890-м в России было четыре издательства, которые специализировались на выпуске литературы на малорусском наречии. Десятками тысяч экземпляров издавались: Шевченко, Вовчок, Федькович, Коцюбинский, Грабовский и т. д. Об этом, к примеру, в 1903 году в своем письме писал известный классик малорусской литературы Иван Нечуй-Левицкий³⁵.

Царский режим в России был до безобразия мягок и либерален. Потом к власти пришли революционеры разных мастей. Им был чужд русский патернализм и православная терпимость. Они были чужими. И страна для них была чужой. Она для них была прекрасным материалом для экспериментов.

Ну, хорошо... Вы мне лучше вот на какой вопрос дайте ответ: если литература на малорусском наречии была «приколом» скучающей интеллигенции, то как быть с Тарасом Шевченко? Ведь его творчество считается не менее гениальным, чем творчество Шекспира, Пушкина, Гете.

Кем считается? «Свидомыми»? Поэзия Тараса Григорьевича – это тот максимум, который можно было «выжать» из народного говора на литературной ниве. Вы знаете, что половина его текстов написана на литературном русском языке? Феномен Шевченко это не феномен гениального поэта, а феномен политической пропаганды. По моему мнению, уровень Шевченко как стихотворца – это уровень районной многотиражки в Тернопольской или Ивано-Франковской области. Так же оценивали музу Тараса очень многие его современники. Тот же Драгоманов считал, что Шевченко не дотягивает даже до Пушкина и Лермонтова³⁶, про Шекспира и Гете мы вообще говорить не будем. Когда малоросские украинофилы, а за ними галицийские «украинцы» делали из него своего политического идола, они просто обязаны были преподнести Шевченко как гениального поэта всех времен и народов. Но в этом качестве он за пределами Украины никому не интересен и не известен. Он до безобразия провинциален. Да и самим «свидомым» украинским интеллигентам Шевченко в большей мере интересен как политический символ.

Шевченко – это мужицкий поэт, в нем нет универсальной, аристократической глубины мысли и утонченности формы. По сути, смысл его творчества сводится к хронической, рифмованной злобе холопа на весь мир, который, по его мнению, к нему несправедлив. Именно от агрессивно-плаксивого, кровожадного пафоса его стихов так «тащатся» «свидомы», от воспевания казатчины и гайдамаччины, от выпадов в адрес «москалей», а не от какой-то гениальности его произведений.

Крамольные вещи вы говорите. Очень многим на Украине они не понравятся.

Ну и что? Кому-то все равно надо начинать говорить правду. Вокруг фигуры Шевченко слишком много разлито лжи, липкой и дурно пахнущей. Его образ до предела примитивизирован, превращен в сладкий леденец для узколобых фанатиков. Нечто подобное когда-то было сделано большевистской пропагандой с личностью Ленина. Слава богу, что партийные батюшки постеснялись в свое время канонизировать «вождя мирового пролетариата», хотя и выглядел он по-ангельски на страницах советских газет, журналов и книг. А вот партий-

³⁴ Стебницький П. Очерк розвитку діючого цензурного режиму в відношенні малоруської писемності // Наука і культура. 1993. Вип. 26–27. С. 103.

³⁵ Нечуй-Левицький І. С. Зібрання творів. К., 1968. Т. 10. С. 404.

³⁶ Драгоманов М. Листи на Наддніпр. Україну. Коломия. 1894. С. 107.

ные батюшки какой-нибудь из украинских православных церквей вполне могут объявить Шевченко святым. Во всяком случае, я не удивлюсь, если это произойдет. Хоть по накалу богохульной пропаганды Владимир Ильич, наверное, даже уступит пальму первенства музе Тараса Григорьевича.

Когда в Галиции из него принялись лепить идола, многие церковники были в шоке от его богохульной поэзии и жалобно вопрошали, а нельзя ли на эту роль выбрать кого-то другого. Им сказали, что нельзя. Пришлось Кобзаря редактировать, а многое из его творчества просто утаивать от набожной публики. «Святой» Тарас в своей поэзии давал прос...ся не только «москалям», «ляхам» и «жидам», но и Боженьку не забывал.

Ладно, бог с ним. Давайте вернемся к малоросскому наречию, раз уж мы начали о нем говорить...

Неприспособленность крестьянского наречия к оперированию абстрактными, отвлеченными понятиями науки и литературы, его примитивность, «бытовушность» прекрасно видели активисты украинофильского движения. Но еще больше им не давала спокойно спать удивительная похожесть малорусского наречия на русский литературный язык. Для них это было гораздо страшнее культуростроительной несостоятельности селянской «мовы». ПОЛЯКАМ И МАЛУРУССКИМ СЕПАРАТИСТАМ ДЛЯ «РАЗБУДОВЫ» ОТДЕЛЬНОЙ УКРАИНСКОЙ НАЦИИ И ГОСУДАРСТВА БЫЛ НЕОБХОДИМ ОТДЕЛЬНЫЙ ЯЗЫК, МАКСИМАЛЬНО НЕ ПОХОЖИЙ НА РУССКИЙ. Так возникла идея создания литературного украинского языка.

Необходимо отметить, что наличие общего для малороссов и великороссов языка не давало покоя шляхте еще во времена Речи Посполитой. Уже польский король Ян Казимир (с которым, кстати, воевал Хмельницкий), выступая в сейме, указывал на то, что главная угроза для Речи Посполитой заключается в тяготении малороссов к Москве, «связанной с ними языком и верой»³⁷.

Как писал в 1898 году львовский публицист Мончаловский: «...трудно допустить, чтобы люди, имеющие притязания считаться образованными, не знали и не видели органических связей, соединяющих разные наречия русского языка в одно целое, неделимое. Но тут выше всяких языкословных очевидностей и доказательств и выше действительной жизни стоит политика, которой подчиняются даже филологические и этнографические познания. Ради этой политики украинофилы и пытаются создать из малорусского наречия особый язык. Раз поставлена теория об отдельности малорусского народа, ее необходимо обосновать и доказать. Так как, однако, ни язык, ни этнография... требуемых доказательств дать не могут, а тут разные «добродее», от графа Стадиона в 1848 году до графа Бадени в 1898 году, постоянно твердят: если вы одни с «москалями», то не желаем вас знать — то и явилась необходимость пригнать действительную жизнь к теории и искусственным путем создать такой язык, который как возможно далее отстоял бы от общерусского»³⁸.

Вот как эти события описал их непосредственный свидетель, пожелавший скрыть свое имя под инициалами Ф.С.И.: «Между эмигрантами [имеются в виду польские эмигранты, бежавшие из России и осевшие в австрийской Галиции. — А.В.] самой выдающейся личностью был Павлин Свиницкий, писавший под именами: П. Стахурский, Павло Свой, Д. Лозовский. Он стал издавать «Siolo» в духе кременецкой польско-украинофильской школы, т. е. на малорусском языке польскими буквами, и получил место учителя малорусского языка в академической гимназии во Львове.

Во время его лекций происходили такие сцены: Учитель в лекции употребляет слово: «вийсько». — Ученики кричат хором: У нас говорят не «вийсько», а «войско». — Учитель: нехай

³⁷ Павлищев Н. И. Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину. СПб., 1887. Т. 2. С. 286.

³⁸ Мончаловский О. А. Литературное и политическое украинофильство. Львов, 1898. С. 142.

буде по-вашему войско. – Учитель в лекции употребил слово «потуга». – Ученики кричат хором: Що – то за «потуга»? Мы такого слова не знаем. – Учитель отвечает: Потуги не знаете? То польская «potega». – Ученики: у нас говорят: могущество, всемогущий Божье. – Учитель: Ну, нехай будет по вашему «могущество». И так дальше велась наука»³⁹.

И вот во второй половине XIX века в Галиции закипела работа по созданию «древнего украинского языка». Как вспоминал потом общественный деятель Угорской Руси Добрянский, «все польские чиновники, профессора, учителя, даже ксендзы стали заниматься по преимуществу филологией, не мазурской или польской, нет, но исключительно нашей, русской, чтобы при содействии русских изменников создать новый русско-польский язык»⁴⁰.

Прежде всего было изнасиловано русское правописание. Вначале реформаторы хотели заменить кириллицу латиницей. Бывший австрийский наместник Галичины граф Голуховский, став министром внутренних дел, издал распоряжение № 12466 от 20 декабря 1859 года, которым всем государственным учреждениям Галичины предписал в русских документах употреблять латинские буквы. Однако массовые протесты населения заставили их отказаться от подобного намерения. Тогда из русского алфавита украинизаторы-руссофобы выкинули такие буквы как «ы», «э», «ъ» и одновременно ввели новые – «є», «ї» и апостроф. Этот модернизированный алфавит был приказом австрийских властей навязан русским школам Галиции, Буковины и Закарпатья.

Когда до Пантелеймона Кулиша (чья фонетическая грамматика была использована в качестве основы для грамматики «ридной мовы») наконец «дошло», что его «кулишовка» используется поляками и австрийцами для раскола русских, у него началась истерика.

«Завітую (клянусь), – писал он в одном из своих писем украинофилу Партицкому, – що коли Ляхи печататимуть моею правописію на ознаку (ознаменованіє) нашого розмиру (раздора) зъ великою Руссією, коли наша фонетичня правопись виставлятиметься не яко підмога народові до просвіти, а яко знамено (знамя) нашої руської розні, то я, писавши по своєму, по вкраїнськи, печатиму етимологічною старосвіцькою орфографією. Себѣ то – ми собі дома живемо, розмавляємо и пісень співаємо не однаково, а коли до чого дійдеться, то половинити себе нікому не попустимо. Половинила насъ лиха доля довго, и всловувались (продвигались) ми до одностайности (единства) руської кривавим робом (дорогой) и вже тепер шкода лядського заходу насъ розлучати»⁴¹. А в письме к украинофилу Дедицкому Кулиш заявил предельно откровенно: «Видя это знамя [«кулишевку». – А.В.] въ непріятельскихъ рукахъ, я первый на него ударю я отрекусь отъ своего правописанья во имя русскаго единства»⁴².

Как показала история, «лядские заходи» в конечном итоге дали неплохой результат.

Затем «украинцы», поляки и австрийцы принялись украинизировать лексику русского языка. Из словарей выбрасывались слова, хоть как-то напоминавшие русские. Вместо них брались польские, немецкие, древнерусские, а также просто выдуманные.

Вот как этот процесс описывает очевидец: «Из Видня [Вены. – А.В.] напірали, щоби витеснити из рук молодежи словарь Шмидта и заступити его новым словарем «немецко-русским». Около 1866 г. во львовской семинарии образовался кружок молодых людей, во главе которых стоял Емельян Партьицкий. Они принялись за составление такого словаря. Состав-

³⁹ Ф.И.С. Що то есть украинофильство? Его история и теперешняя характеристика. Львов, 1912. С. 108.

⁴⁰ Добрянский А. И. О современном религиозно-политическом положении Австро-Угорской Руси. М., 1885. С. 11–12.

⁴¹ «Клянусь, – писал он в одном из своих писем украинофилу Партицкому, – что когда Ляхи будут печатать моим правописанием в ознаменованіє раздора с большой Руссією, когда наше фонетическое правописание будет не подспорьем народу в просвещении, но знаменем нашей русской розни, то я, писавший по-своему, по «вкраїнськи», буду печатать етимологической старосветской орфографією. То есть – мы у себя дома живем, разговариваем и песни поем не одинаково, а когда до чего дойдет, то половинить себя никому не дадим. Половинил нас злой рок долго, и продвигались мы к единостайности (единству) русскому кровавым образом (дорогой), и теперь вред лядского (польского) мероприятия нас различает». «Правда» № 9, за 1867 год.

⁴² «Боянь» № 10, 8 июня 1867 года.

ление материала происходило таким образом, що брали до рук немецкий словарь и при каждом немецком слове останавливались, як то сказаты по «руськи» так, чтобы оно не было московским. Тогда русское слово переименовывали или выдумывали совсем новое. Словарь тот был напечатан в 1867 г. Так началась языковая борьба...»⁴³

Как он в итоге подытожил: «Наши украинофилы так поступают: выкидают давние слова, давние буквы, даже давние молитвы, давний язык церкви – а вымышляют новые слова, новые молитвы, которые не всякий понимает»⁴⁴.

Как пояснял один из авторов украинофильского «Літературно-наукового вісника»: «Вы, русины, думаете по-польски и переводите дословно свою мысль по-русински, и то не все слова переводите, а многое остается без перевода в польском первоисточнике, так точно мы думаем по-русски, а переводим дословно по-украински... Таким образом, вырабатывается двуязычие галицкое и украинское; вы мало понимаете наш язык, а мы – еще меньше того ваши»⁴⁵.

Этот искусственный, наспех слепленный синтетический язык жестко навязывался через школы русскому населению австрийского Прикарпатья и Закарпатья. В отношении тех, кто сопротивлялся и не хотел отказываться от русского языка, властью и «свидомыми» организовывалась травля.

В конце XIX века наиболее весомый вклад в святое дело создания украинского языка внесло научное Общество им. Тараса Шевченко во главе с паном Грушевским. Главной задачей их работы был максимально дальний уход от литературного русского языка. Как писал в 1912 году Сергей Щеголев, «львовские новаторы приналегли на червонорусское наречие, а для выражения сложных и отвлеченных понятий черпали полной рукой из польского и (изредка) немецкого языков. Галицкой интеллигенции польский язык и теперь знаком прекрасно, а 20 лет назад он был известен еще лучше, и с этой стороны пародирование не представляло трудностей»⁴⁶.

Кстати, для многих до сих пор является тайной тот факт, что современный литературный украинский язык не имеет ничего общего с полтавско-черниговским малорусским наречием, которое вроде как признано эталоном украинского языка. На самом деле В ОСНОВУ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПОЛОЖЕН Т.Н. ПОДГОРСКИЙ ГАЛИЦИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ.

Почему был выбран именно он?

Потому что малорусское наречие Полтавщины и Черниговщины имеет слишком много общего с литературным русским языком. А подгорское поднаречие более всего засорено польскими и немецкими словами.

Как писал Щеголев, «помесь малорусских диалектов – подольско-волинского и украинского, к чему многочисленные сотрудники львовских изданий из России были весьма склонны, допускались с большими предосторожностями: каждое малорусское слово или фраза, в коих замечаемы были общерусские признаки в фонетике, лексике, морфологии или синтаксисе, либо браковались, либо подвергаемы были калечению. Охотнее всего русско-украинские реформаторы перекраивали на свой лад готовые польские слова и через 15 лет (к 1906 г.) превратили свой язык, быть может, неожиданно для самих себя, в польско-галицийский жаргон»⁴⁷.

Во всем этом может самостоятельно убедиться каждый. Для этого просто надо взять любой неспециализированный текст из любой украиноязычной газеты и проверить со словарем

⁴³ Ф.И.С. Що то єсть украинофільство? Его історія і теперешня характеристика. Львов., 1912. С. 109.

⁴⁴ Ф.И.С. Що то єсть украинофільство? Его історія і теперешня характеристика. Львов., 1912. С. 116–117.

⁴⁵ Хроніка і бібліографія // Літературно-науковий вісник. 1901. № 3. С. 227–228.

⁴⁶ Щеголев С. Н. История «украинского» сепаратизма. – М.: Имперская традиция, 2004. С. 93.

⁴⁷ Там же. С. 95.

на предмет наличия в нем исковерканных польских, немецких, чешских слов. Все то, что будет не польского или немецкого происхождения, окажется русским, с вкраплениями новояза.

Чтобы не быть голословным, приведу пару десятков используемых в обиходе исконных «украинских слив», позаимствованных у поляков:

аби	aby	лишь бы
агенція	agencia	агентство
але	ale	но
але ж	ale ż	однако
багнет	bagnet	штык
багно	bagno	болото
байка	bajka	сказка
балія	balia	лохань (для стирки)
барва	barwa	краска
батог	batog	кнул
башта	baszta	башня
вага	waga	вес
вада	wada	недостаток

вапно	wapno	известь
варта	warta	стража
вартість	wartość	стоимость
великий	wielki	большой
вельмишановний	wielceszanowny	многоуважаемый
гайворон	gawron	ворона
гак	hak	крюк
галас	hałas	галдеж
галузь	gałaz	отрасль
ганок	ganek	крыльцо
ганьба	ganba	позор
гармата	armata	пушка
даремно	nadaremnie	бесполезно
дарма	darmo	напрасно
дзвін	dzwon	колокол
дзьоб	dziob	клюв
дівчина	dziewczyna	девушка
діжка	dzieza	квашня
єдність	jedność	единство
жадати	pozadać	желать
жалоба	zaloba	траур
жарт	zart	шутка
жваво	zwawo	живо, проворно
жебрак	zebrak	нищий
з	z	из, с
з-за	zza	из-за
забити	zabić	убить
забобон	zabobon	суеверие
забов'язати	zobowiązać	обязать
забороняти	zabraniać	запрещать
забудова	zabudowa	застройка
індик	indyk	индюк
інший	inny	другой
кава	kawa	кофе

кав'ярня	kawiarnia	кафе
кайдани	kajdany	кандалы
канапа	kanapa	диван
кашкет	kaszkiet	картуз
квітень	kwiecien	апрель
лагідний	łagodny	нежный, мягкий
лазня	łaznia	баня
лан	łan	поле, нива
ласка	łaska	милость
лаяти	łajać	ругать
ледве	ledwie	едва
маєток	majątek	имение
макуха	makuchy	жмыхи
малярство	malarstwo	живопись
мапа	mapa	карта
мешканець	mieszkaniec	житель
місто	miasto	город
набой	naboj	заряд
навколо	naokolo	вокруг
надзвичайно	nadzwyczajne	крайне
надмір	nadmiar	избыток
найближчий	najblizczy	ближайший
наклад	nakład	тираж
обуритися	oburzyć się	возмутится
огидний	ohydny	противный
ознака	oznaka	признак
оксамит	aksamit	бархат
опір	opor	сопротивление
опріч	oproc	кроме
пагорб	pagorek	бугор
пазур	pazur	коготь
палац	pałac	дворец
паливо	paliwo	топливо, горючее
палити	palić	курить

пан	pan	господин
разом	razem	вместе
раптом	raptem	вдруг
регот	rzegot	хохот
решта	reszta	остаток, сдача
риса	rys	черта
смажити	smazyć	жарить
скарб	skarb	казна, клад
скарга	skarga	жалоба
скористатися	skorzystać	воспользоваться
скроня	skron	висок
скубати	skubać	щипать
так	tak	да
тесля	cieśla	плотник
тортури	tortury	пытки, истязания
тримати	trzymać	держать
труна	trumna	гроб
увага	uwaga	внимание
ув'язнення	uwięzenie	заключение
угода	ugoda	соглашение
фарба	farba	краска
фіранка	fieranka	занавеска
фортеця	forteca	крепость
фурман	furman	возница
хвилина	chwila	минута
хвіртка	furtka	калитка
хвороба	choroba	болезнь
цвинтар	cwentarz	кладбище
цегла	cegla	кирпич
цибуля	cebula	лук (овощ)
цілковито	całkowicie	всецело
цукерка	cukierek	конфета
чарівник	czarownik	колдун
час	czas	время

частка	czastka	доля
чекати	czekac	ждать
червень	czerviec	июнь
шибениця	szubienica	виселица
шибка	szyba	оконное стекло
шинок	szynk	кабак
як	jak	как
який	jaki	какой
якийсь	jakiś	какой-то
якість	jakość	качество
якось	jakoś	как-то (однажды)

Данный список можно продолжать очень долго. Если изъять из современного украинского языка польские заимствования, элементарное бытовое общение станет крайне затруднительным.

Даже у некоторых лидеров украинофильского движения сдавали нервы из-за «творческого процесса» «дерусификации» малорусского наречия. Так, в те годы доживал свой век классик малорусской литературы Иван Нечуй-Левицкий – старый украинофил, матерый зубр «языкового возрождения» и украинского литературного прорыва. Получая из Галиции свежие литературные творения, переполненные польско-немецкими заимствованиями и придуманными словами, он вдруг сделал для себя неожиданный вывод – ИДЕТ НЕ ЧИСТКА ЯЗЫКА ОТ «РУСИЗМОВ», А ЕГО ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ ПОДМЕНА. Старик вынужден был констатировать, что «*получилось что-то и вправду уж слишком далекое от русского, но вместе с тем оно вышло настолько же далеким от украинского* [т. е. малорусского наречия. – А.В.]»⁴⁸. Нечуй-Левицкий настаивал на том, что литературный украинский необходимо создавать на основе приднепровских народных говоров, а не галицийской «говирки». По его мнению, в Галиции слишком сильно польское, немецкое и еврейское языковое влияние, а поэтому «*во Львові нельзя научиться українському мові, а можна тільки утратити свій чистий український мовний матеріал*...»⁴⁹.

Поясняя, что представляет собой «українська літературна мова Грушевського» и ему подобных, он писал следующее: «*За основу свого письмального мови професор Грушевський взяв не український мовний матеріал, а галицьку говірку з усіма її стародавніми формами, навіть з деякими польськими замінами. К цьому він додав багато польських слів, які галичани звичайно використовують в розмові і в книжній мові і яких не мало і в народній мові. До цих змішаних частин свого мови проф. Грушевський додав ще багато слів з сучасного великоруського мовного матеріалу без всякої необхідності і вставляє їх в свої писання механічно, по звичці, тільки з-за того, що ці слова, напхані школою, лежать на підхваті в голові*»⁵⁰.

⁴⁸ Нечуй-Левицький І. С. Сьогоднішня часописна мова на Україні // Україна. 1907. № 2. С. 197.

⁴⁹ Нечуй-Левицький І. С. Криве дзеркало української мови. К., 1912. С. 16.

⁵⁰ Там же. С. 21.

Надо заметить, что малорусского наречия Грушевский не знал (он в этом сам признавался в своем дневнике). «Ридну мову» в галицийском варианте профессор стал изучать, переехав во Львов. Когда читаешь его «творения», невольно возникает ощущение, что автор взял русский текст и тупо перевел его электронным переводчиком вначале на немецкий, затем с немецкого на польский и, наконец, с польского на современный украинский. При этом используемую им программу-переводчик безбожно «глючило».

В итоге получился какой-то совершенно «дубовый» микс из корявых словосочетаний и странных слов, перемешанных с не менее странными знаками. Читать сочинения Грушевского просто невозможно. И это радует. Та языковая форма, в которую он завернул свою историческую фантастику, стала надежным и практически непреодолимым барьером на пути читателя. Если бы среди «свидомых» были более-менее вменяемые активисты, они бы занялись изданием адаптированных переводов Грушевского на современный украинский, а еще лучше на русский. А так человек наваял килограммы текстов, а читать их некому.

Вот как старый Нечуй характеризовал «говирку», которую использовал Грушевский: *«Галицкий книжный научный язык тяжелый и не чистый из-за того, что он сложился по синтаксису языка латинского или польского, так как книжный научный польский язык складывался по образцу тяжелого латинского, а не польского народного... И вышло что-то такое тяжелое, что его ни один украинец не сможет читать, как бы он ни напрягался бы»⁵¹.*

Тут он, конечно, ошибся. Это простительно. Он ведь не знал, что такое сталинский режим. Решил бы «отец народов», что малороссы должны стать «джидаями», а читать, писать и говорить обязаны на суахили, то стали бы «джидаями» как миленькие и суахили освоили бы.

А вот как Нечуй-Левицкий характеризовал выдуманные «свидомыми» языкоделами «тысячелетние» украинские слова: *«За все время, с которого развивается галицкая письменность, я нашел в ней лишь только немного более десятка неологизмов, слов высшего порядка, составленных хорошо и удачно, таких как: переважно, здійснити (исполнить, осуществить на деле), вражіння, переважувати, зміст, вплив, пересвідчитися, неможливий и т. д., которые я использую в письме. Остальные неологизмы, как от выведенных с польского корня, неудачные и сделаны не аналогично составу народных слов, как: завдяки, рухіння, відруховність, проява, розвій (развитие) руханковий и т. д. ... они просто-таки переделывают или берут массу чисто польских слов: передплата, одсетки, помешкання, передплата виносить... остаточно, старанно, рух, рахунок, рахувати, співчуття, співробітник... и т. д»⁵².*

На мой взгляд, во всем этом наиболее интересно то, что те украинские слова, которые мои украинизированные сограждане считают тысячелетним наследием своих предков, на самом деле искусственно и криво сделанный в начале прошлого века в Восточной Галиции новояз. Причем сделан только лишь для того, чтобы у придуманной украинской нации был свой придуманный язык. Но есть ли в этом какой-то смысл, кроме желания любой ценой оторвать от русского народа его юго-западную ветвь?

А ведь теперь на этом странном и корявом языковом творении галицийцев миллионы людей принуждаются не только говорить, но и мыслить. Но что будет с мышлением, если его инструмент бракованный? Не сложно же понять, что и мышление будет таким же. Лишите человека его родного языка, заставьте думать на каком-то искусственном языковом суррогате, и вы сломаете его способность не только к творческому, но даже логическому мышлению.

Не поленился Нечуй-Левицкий описать и впечатление малороссов от галицийского поднаречия: *«Даже простые люди в Киеве, которые читали или видели галицкие книжки (и не*

⁵¹ Там же. С. 6.

⁵² Там же. С. 44.

только галицкие), говорят мне, что все те точки та значки (апострофы) когда-то со временем высыплются из книг, как ненужные»⁵³.

Как видим, не высыпались. КПСС не позволила.

Углубляясь в анализ того языка, который сконструировал Грушевский и К°, Нечуй-Левицкий был вынужден прийти к выводу, что вся эта галицкая «свидомая» публика *«начала писать какой-то языковой мешаниной, похожей на карикатуру на народный украинский язык и язык классиков. И у них получился не язык, а какое-то «кривое зеркало» украинского языка»⁵⁴.*

«С такой амуницией в украинских журналах и книжках украинская литература далеко вперед не уйдет, потому что этот галицкий и польский груз ломает наш воз. А, на мой взгляд, этот груз – это просто-таки мусор, который замусоривает наш язык»⁵⁵.

И он оказался абсолютно прав. Неспособность современной украинской литературы развиваться и добиваться литературных успехов является результатом как раз той «языковой мешанины», на фундаменте которой она существует. Повторю еще раз, невозможно на искусственном квазиязыке, созданном бездарностями в политических целях, создавать литературные шедевры.

Именно поэтому, с точки зрения старого классика малоросской литературы, *«каждый просвещенный и понимающий украинский писатель, сознательный в деле создания книжных языков у европейских наций, сроду-свеку никогда не согласится писать галицким провинциальным поднаречием и книжной смесью, недоделанной и странной и по этимологии, и по своему латинско-польскому синтаксису»⁵⁶.*

Вот так вот. Жестко, четко и лаконично.

Однако отчаянных воплей старого Нечуя никто не слушал, ведь вопрос касался не языка, а политики. Но старик не утихал и продолжал «гнать волну». *«Нет! это в самом деле не украинский язык!.. Такого языка у нас не разберут и ничего из него не поймут, а если что-то и разберут, то в голове останется что-то невыразительное, каламутное, какая-то муть»⁵⁷.*

В своем письме к писателю Михаилу Лободе Нечуй скорбно жаловался: *«Спасибо вам, что Вы сочувствуете тем мыслям и положениям в моих статьях, которые я изложил про «Сьогочасну часописну мову» на Україні, страшно испорченную польскими и галицкими книжными словами через влияние галицких газет и журналов. И действительно, как Вы пишете, это не язык, а какой-то жаргон. А когда Кулиш говорил Вам, что галицкий письменный язык следует выбросить на мусорник, то он говорил правду... желиховка (усовершенствованная Желиховским «кулишевка») со своими двумя точками над «і» и с апострофом, так совсем не годятся»⁵⁸.*

Но, несмотря ни на что, новоиспеченный польско-галицкий жаргон начал экспортироваться через границу в Малороссию в качестве «ридной мовы», где активно усваивался украинофильскими сектантами. В начале XX века на австрийские деньги там начали издаваться «украиноязычные» газеты. Но самое забавное в этом было то, что периодические издания «украинофилов» не находили читателя. Малоросский народ просто не понимал этого странного новояза. Если бы не постоянные иностранные денежные вливания, «украинская» пресса тихо и быстро исчезла бы сама собою. Мучили себя чтением патриотических «украинских»

⁵³ Там же. С. 8.

⁵⁴ Там же. С. 42.

⁵⁵ Там же. С. 68.

⁵⁶ Там же. С. 49.

⁵⁷ Нечуй-Левицький І. С. Сьогочасна часописна мова на Україні // Україна. 1907. № 2. С. 10–11.

⁵⁸ Нечуй-Левицький І. С. Зібрання творів. К., 1968. Т. 10. С. 468–469.

газет и журналов лишь наиболее «свидомы» сторонники «видродження України». Но и у них «ридна мова» вызывала тошноту и скрежет зубовой.

Даже видный украинофил Дмитрий Дорошенко вынужден был признать, что «с украинской книгой и газетой приходится обращаться не только к небольшому обществу «сознательных украинцев», которые все равно будут читать, каким бы языком и каким бы правописанием ни печатать наши издания; будут читать кривясь, ругаясь, но будут читать, как читали перед тем книги и газеты, напечатанные в Галиции... Разумеется, надо учиться, чтобы овладеть хорошо языком письменно и устно. Однако же язык должен быть таким, чтобы его понять можно было без специальной подготовки...»⁵⁹.

Как видите, то, что сейчас называют «украинским языком», было настолько «родным» для малороссов, что без «специальной подготовки» понять им его было крайне сложно.

Когда после революции в Киеве воцарилась Центральная рада, провозгласившая Украинскую Народную Республику, начался первый этап принудительной украинизации Малороссии. Однако неожиданно упавшая на голову малороссов возможность возродиться в облике «украинца» ни у кого, кроме небольшой кучки «свидомой» сельской интеллигенции, восторга и эйфории не вызвала. Крестьяне были в лучшем случае равнодушны к националистическим лозунгам, у малорусской интеллигенции они вызвали раздражение и возмущение, особенно когда вдруг выяснилось, что все должны были почему-то переходить на «мову», которой никто не знал и знать не хотел.

К примеру, 13 июня 1918 года газета «Голос Киева» опубликовала обращение правления Союза служащих правительственных учреждений Винницы к власти УНР. В нем говорилось, что нет никакой надобности переводить делопроизводство на украинский, поскольку «случаев взаимного непонимания между этими учреждениями, с одной стороны, и местным населением – с другой, никогда не было». «Более того, – говорилось в обращении, – такие случаи возможны именно при введении украинского языка, ибо последний в своей литературной форме почти ничего общего с местным просторечием не имеет».

В своих воспоминаниях о событиях 1917–1918 годов на Украине жена украинского премьера Голубовича, Кардиналовская, писала, что киевская интеллигенция крайне негативно восприняла украинизацию. Большое впечатление на женщину произвели печатавшиеся в газете «Русская мысль» длинные списки людей, подписавшихся под лозунгом «Я протестую против насильственной украинизации Юго-Западного края»⁶⁰.

Украинский общественный деятель Могилянский в своих воспоминаниях откровенно писал, что «в той исторической стадии, в какой жило тогда население Украины, оно было более чем равнодушно ко всяким попыткам и затеям украинизации. Украинцы слишком много лгали на эту тему»⁶¹.

А вот что он писал по поводу успехов украинизации тех лет: «Если еще нужно беспристрастное свидетельство полного провала идеи «украинизации» и «сепаратизма», то следует обратиться к вполне надежному и беспристрастному свидетельству немцев, которые были заинтересованы углублением «украинизации» для успеха расчленения России. Через два месяца пребывания в Киеве немцы и австрийцы, занимавшие Одессу, посылали обстоятельный доклад в Берлин и Вену в совершенно тождественной редакции... доклад красноречиво доказывал, что существующее правительство не в состоянии водворить в стране необходимый порядок, что из украинизации практически ничего не выходит, ибо население стремится к русской школе,

⁵⁹ Жученко М. (Дорошенко Д.). Про українську літературну мову // Матеріали з історії національної журналістики Східної України початку ХХ століття. К., 2001. С. 225.

⁶⁰ Кардиналовская Т. Жизнь тому назад. Воспоминания. – СПб., 1996. С. 62.

⁶¹ Могилянський Н. М. Трагедія України // Революція на Україні по мемуарам білих (репринтне воспроизведение издания 1930 г.). – М. – Л., 1930. С. 121.

и всякий украинец, поступающий на службу, хотя бы сторожем на железную дорогу, стремится и говорить и читать по-русски, а не по-украински»⁶².

А вот как описывал рабочий-партиец уже в 1926-м, в разгар советской украинизации, в своем письме в ЦК КП(б) У ситуацию с «ридной мовою» в Луганске. *«Убежден, что 50 % крестьянства Украины не понимает этого украинского языка, другая половина если и понимает, то все же хуже, чем русский язык... Тогда зачем такое угощение для крестьян?»* – резонно вопрошал он. Отторжение народом навязываемого ему властью галицийского жаргона под видом «ридной мовы» выливалось в отторжение украиноязычной прессы. *«Я не говорю уже о «Коммунисте» на украинском языке, – продолжал рабочий-партиец. Одна часть, более сознательная, подписку не прекращает и самым добросовестным образом складывает газеты для хозяйственных надобностей. [С туалетной бумагой тогда были проблемы. – А.В.] Это ли не трагедия... Другая часть совсем не берет и не выписывает газет на украинском языке и, только озираясь по сторонам (на предмет партлица), запустит словцо по адресу украинизации»⁶³.*

Сейчас та же самая ситуация. После 16 лет интенсивной украинизации в «нэзалэжний» для большей части малороссов «ридна мова» нечто вроде особого русско-польского жаргона, служащего деловым языком правящих классов общества, своеобразной латынью, на которой пишутся официальные документы, публично выступают и общаются чиновники, политики, журналисты и т. д.

Но когда современный малоросс оказывается в неофициальной обстановке, когда общается с друзьями, близкими, любимыми, он переходит на свой родной русский язык или малорусское наречие.

Понимаете, в чем отличительная черта языковой ситуации на Украине?

У нас не двуязычие, как принято считать, а триязычие. Думаю где-то 95 % населения современной Украины говорит и думает или на русском языке, или на малорусском наречии (суржике). И лишь ничтожная горстка дрессированных «свидомых украинцев» принципиально изыскаются на литературном украинском языке. Даже последняя партия «свидомых», отштампованная массовой пропагандой во время событий «оранжевой революции» (их в своих статьях я именовал «оранжоидами»), при всей своей ненависти ко всему русскому, как обычные русские люди, говорит и думает на русском, читает русские книги, смотрит русские фильмы, слушает русскую музыку и т. д.

Чем можно объяснить такую странную ситуацию?

У «свидомых» нет ресурсов и времени качественно промыть мозги населению. Раньше на обработку кандидата в фанатики украинской идеи уходили годы, в течение которых он должен был освоить «ридную мову» и перечитать необходимый минимум ортодоксальной литературы. Это была, можно сказать, ручная настройка. С новичком плотно работал целый коллектив «свидомой» интеллигенции, методично программируя его новое «Я». Именно после подобной «инсталляции» у нормальных людей возникали внезапные «прозрения», когда русский человек вдруг начинал чувствовать себя «украинцем» и любить как родной неродной «украинский» язык.

Но хочу сказать, что это не худший вариант, ведь сколько людей, не выдержав накала национально-демократических реформ, неожиданно начинают себя чувствовать наполеонами или юлиями цезарями, а сколько таких, которые вдруг ощутили себя эльфами, гномами или хоббитами! Ну, представьте, что будет, если сейчас у нас еще в массовом порядке хоббиты

⁶² Могиланский Н. М. Трагедия Украины // Революция на Украине по мемуарам белых (репринтное воспроизведение издания 1930 г.). – М. – Л., 1930. С. 122.

⁶³ ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2253. Арк. 91–92.

появятся и начнут борьбу за свое национальное самоопределение, под лозунгами возрождения тысячелетней хоббитанской культуры и языка, а также создания независимой, демократической, соборной, европейской Хоббитании? А если они еще решат отважно противостоять исчадию зла – Мордору, который, как доказал один авторитетный британский историк, языковед и культуролог (почти как пан Грушевский) на страницах своего многотомного научного исследования, находится на востоке.

Нет уж, увольте, пусть лучше вместо хоббитов и орков будут «украинцы».

Как вы понимаете, тут уже политика на грани психиатрии.

Но сейчас ручная обработка «свидомыми» раззевавшихся малороссов не отвечает задачам современной украинизации. Тут нужна конвейерная штамповка сознания, массовое, так сказать, производство, а специалисты, которые могли бы организовать такой процесс, среди наших «свидомых» отсутствуют. Для этого необходимы поляки, немцы или большевики. А без них у местной «свидомой» публики ничего путного не получается. Максимум, на что она способна, это принудить телевизионные каналы сделать на корявом украинском смешные титры к русским фильмам и передачам либо перевести на страшный украинский язык русский дубляж западных фильмов, когда их герои говорят сразу на трех языках, сперва на английском, потом на русском и в довершение на украинском. Особенно впечатляют советские и российские актеры, вдруг заговорившие на «мове», или Чуковский, Барто и Маршак на украинском для детей. Думаю, что пора переводить Маринину и Донцову... Бред, конечно, полный, но так наши славные украинизаторы понимают возрождение украинского языка.

Однако, несмотря на всю свою немощность, «свидомы» успевают инфильтрировать в сознание своего подопечного основной элемент «украинства» – жесткую, истерическую русофобию. Получается странный, наспех сделанный полуфабрикат, который я называю «оранжидом». Человек думает и говорит на русском, ментальность и мышление у него русское, он всецело находится в рамках русской культуры, но при этом люто ненавидит все русское и русским себя не считает! Вот вам и тяжелое наследие «Майдана». Впрочем, даже этого низкокачественного «украинского» материала, если так позволите выразиться, хватает для того, чтобы подготовить необходимое количество пушечного мяса для политических батальон.

Полноценных «свидомых», прошедших полный курс «убивания в себе москаля», как и сто лет назад, на Украине крайне мало. Они представляют собой ничтожную, но крикливую кучку маргиналов, обосновавшихся в мелких националистических партиях, традиционно набирающих на выборах менее 1 % голосов. Они существуют в пределах статистической погрешности.

Я так понимаю, что завершающий штрих в создании украинского языка был сделан большевиками?

Да. Точнее, они систематизировали и стандартизировали галицийский жаргон, более широко наполнили его польскими словами и новоязом, а потом объявили его (в сентябре 1928-го постановлением СНК УССР) «украинською мовою», которая является родной для всех «украинцев» (бывших малороссов). Предложение наиболее радикально настроенных товарищей перейти с кириллицы на латиницу были оценены как преждевременные. Народ к этому шагу, необходимому для успешного развития самостоятельной украинской культуры, надо было подготовить⁶⁴.

По поводу советского языкостроения очень хорошо высказалась украинский языковед Олена Курило: *«Ни один литературный язык, кроме украинского, не претерпел в процессе своего развития такого внезапного изменения за недолгое время, только с революции 1917 года. Это понятная вещь. И тут быстро нужно было дать выражения этим новым куль-*

⁶⁴ Студинський К. З побуту на Радянській Україні. Львів, 1927. С. 65.

турно-национальным формам жизни, нужно было творить новые слова, новые синтаксические, новые фразеологические обороты»⁶⁵. И это действительно так! Выражали все, что хотели, и при этом в самой извращенной форме.

«Никакая национальная шовинистическая петлюровская жовто-блакитная власть не могла бы сделать столько, сколько сделала Коммунистическая партия и советская власть»⁶⁶, – безапелляционно заявлял «красный» украинофил Рачко. И с ним сложно не согласиться. Ведь после того как рухнул Советский Союз, вместе с ним рухнуло все то, что принято называть «украинской культурой». Это казенное чудо испарилось вместе с советской властью, а новая, «вильна» и «нэзалэжна» культура, которая должна была возникнуть в «видроджений» Украине, так за 16 лет и не появилась. Рачко как в воду глядел.

Хорошо. Давайте попробуем подвести итоги. Что получается, если сжато обобщить изложенные вами факты?

Во-первых, русский литературный язык не является производным от великорусского наречия, а результатом синтеза западнорусского (малорусского и белорусского), восточнорусского (великорусского) наречий и церковнославянского языка. Основой русского литературного языка, начавшего формироваться примерно в XVII веке, все-таки в большей степени является западнорусское наречие.

Во-вторых, то, что сейчас называется украинским литературным языком, представляет собой смесь галицийского подгорского диалекта с большим количеством польских и в некоторой степени немецких слов. Создание этого языка было инициировано во второй половине XIX века польской интеллигенцией в рамках проекта «Ukraina», предполагавшего раскол русского народа и отторжение Малороссии от России в виде марионеточного государства. Польско-малоросским украинофилам, объявившим себя украинской нацией, был просто необходим свой отдельный, особый язык.

⁶⁵ Курило О. Уваги до сучасної української літературної мови. Б.м., 1925. С. 1.

⁶⁶ Перший всеукраїнський учительський з'їзд в Харкові від 5 до 11 січня 1925 р. Х., 1925. С. 74.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.